

НАТАЛЬЯ БУЛАНОВА

ОБОРОТЕНЬ
ПО ОБЪЯВЛЕНИЮ

ЗВЕРЬ БЕЗ СЕРДЦА

18+

Наталья Буланова
Оборотень по объявлению.
Зверь без сердца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73545278

SelfPub; 2026

Аннотация

Алиса умеет готовить из чего угодно. Ее талант родом из голодного детства, а мечта о собственном ресторане кажется несбыточной.

Александр – грозный альфа западной стаи оборотней. Он избегает любых привязанностей, зная – те, кого он любит, погибают.

Но когда приложение для подбора истинных пар неожиданнообъявляет их парой, Саша в ярости. Ведь он точно знает, что его половинка разорвала связь и теперь с другим. Второго шанса не бывает.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	20
Глава 6	26
Глава 7	32
Глава 8	37
Глава 9	42
Глава 10	47
Глава 11	51
Глава 12	57
Глава 13	62
Глава 14	67
Глава 15	72
Глава 16	78
Глава 17	83
Глава 18	89
Глава 19	94
Глава 20	99
Глава 21	103
Глава 22	110
Глава 23	116

Глава 24

121

Конец ознакомительного фрагмента.

125

Наталья Буланова

Оборотень по объявлению.

Зверь без сердца

Глава 1

Александр

«Найдена ваша идеальная пара – 90% совместимости».

Телефон взрывается фейерверком из уведомлений «Доборотня».

Я чуть мобилу в море не выкидываю – в последний момент сжимаю ее в кулаке и опускаю руку.

И кто посмел приколоться? Лисы? Бродячие? Вряд ли медведи или мой бывший клан гибридов.

Я кидаю телефон в руки Ефу. Родители тридцать лет назад любя назвали его Ефимом. Не подозревали, что того будет трясти от своего полного имени.

– Узнай, кто шутит, и проучи. – Я присаживаюсь и подбираю янтарь, который выбросило беснующееся море.

Сейчас самый сезон, и вокруг много местных, но только штормовая Балтика может утихомирить мою душу.

Лицо моего помощника вытягивается, когда он видит

оповещение.

– Есть, глава. Вы... зарегистрировались там?

Я смотрю на него как на идиота:

– Ты тоже там. Теперь там все сверхи.

– Вот совету все нейдет! Но вас-то куда? Все знают, что у вас больше нет истинной.

Еф резко замолкает, что-то увидев на моем лице. Я же отворачиваюсь к морю, подставляю лицо ветру.

Приложению по подбору идеальной пары «Доборотень» уже не один десяток лет. Алрик все кичится степенью защиты данных, но что-то я смотрю, у него в этом деле дыра на дыре.

Однако это сообщение такая мелочь, что я сразу забываю о ней. У меня есть задачи посерьезней.

Алиса

Кухня ресторана «Баолт» встречает меня запахом подгоревшего лука и пережаренного масла. Шеф-повар Игорь, бородатый и вечно недовольный, швыряет в мою сторону пакет с мясом.

– Вот, разберись с этим, как ты умеешь.

Я ловлю пакет и, даже не открывая его, уже знаю – мясо протухло.

– Неужели стейки? – спрашиваю, хотя знаю ответ.

– Да. И чтоб без нареканий от гостей.

Он отходит в другой конец кухни, оставляя меня наедине

с проблемой. Я разворачиваю пакет и отворачиваюсь, подаюсь назад от тошнотворного запаха.

– Шеф, стейки из этого не получатся. Бефстроганов еще могу сделать, если добавить немного вина и сливок. Замаскирую кислинку.

Игорь бросает половник на разделочный стол с таким грохотом, что я вздрагиваю.

– Стейки! Я неясно сказал?

Сказал? Да он приказал, словно я немая рабыня.

– Шеф, нам вернут. У нас и так последний отрицательный отзыв на «отзовике».

– Это потому, что Дима вчера работал, пока ты прохлаждалась. А он не умеет как ты.

«Прохлаждалась»? Вот это упрекнул так упрекнул!

Вообще-то, у меня был законный выходной – единственный на неделе. Я за него даже по дому ничего сделать не успеваю, не то что отдохнуть.

Так хочется нагрубить этой бородатой морде, но мне нужна эта работа. Чем я буду платить за аренду? На что есть?

«Все терпят. Думаешь, отцу нравится работать на заводе или мне стоять часами за прилавком?» – всегда отвечала мама, когда я говорила, что не хочу присматривать за четырьмя младшими братьями и сестрами или что не хочу готовить ужин.

Терпеть. Надо потерпеть. Нет такой работы, на которой все нравится. Уволюсь и поменяю шило на мыло.

– Что ты себе цену набиваешь, а? – Игорь медленно, с долей угрозы двигается в мою сторону. – Знаю я, как ты можешь из говна конфетку сделать, так что не строй из себя фифу.

Умею. Еще бы мне не уметь!

Большая часть еды, которую мама приносила в дом, была просрочена и списана из магазина, где она работала. Запах плесени, кислятины, горечь – все это вкусы моего голодного детства, где макароны, посыпанные сахаром, считались самым вкусным блюдом.

До сих пор в моей голове они закрепились как что-то очень вкусное, хотя понимаю, что это бред. В мире есть столько изысканных блюд. Уж кому, как не повару, это знать.

Я три года добивалась того, чтобы работать в этом знаменитом ресторане, наработывая опыт в кафешках и ресторанах попроще. Думала, что окажусь здесь в окружении прекрасных ингредиентов, буду творить высокую кухню. Вместо этого шеф, как прознал о моем таланте делать блюда из грязи и палок, поменял меню. Хозяин ресторана лоснится от выгоды, а я...

Я еле держусь, чтобы не послать все к чертям собачьим.

– Вон твой стеллаж с травками. Давай, колдуй, как умеешь. Не зря босс тебе грядки посадил, лампы подвел. Пользуйся, неблагодарная!

Глава 2

Я прикрываю глаза, а в голове звучит как на повторе «неблагодарная».

– Я-то? – Открываю глаза и смотрю на шефа. – Это вам выгодно, а не мне, чтобы я использовала знания моей бабушки по травам для реанимации продуктов. Я сюда устраивалась просто готовить. Ладно, один раз спасти положение, когда случился форс-мажор. Но сейчас босс уже специально скупает просроченное, чтобы мы из него готовили.

Я словно снова в прошлом. Снова готовлю из тухлятины. Снова у плиты.

Может, надо было выбрать другую профессию?

Но как же тогда мечта открыть свой маленький ресторан?

Шеф долго смеряет меня взглядом. Видно, что хочет что-то сказать, но почему-то не говорит. А потом вдруг меняет тон:

– Слушай, Алиса. Сейчас нет другого мяса. Сделай, а? Я с боссом поговорю.

– Точно?

– Точно.

Я тяжело вздыхаю и принимаюсь за работу. Руки сами знают, что делать. Нарезка, маринад с травами из вертикального огорода в специальной подсобке, соус. Через полчаса кухня наполняется ароматом, от которого даже суровый

Игорь останавливается и крикает:

– Вот, а говорила, стейки не выйдут. Неплохо же!

Но я уже знаю: это просто можно есть. Мясо было наглухо испорчено, и только травы и прожарка обезвредили его до безопасного уровня, чтобы никто не отравился. О том, что это будет еще вкусно, и говорить не стоит.

Я отдаю блюда официантам, а сама вздыхаю без сил. Настроение на нуле. Украдкой достаю пакетик с кормом и выхожу через служебную дверь, чтобы покормить котят во дворе.

За мной следом выходит официантка Вика.

– Едят. Вроде даже нравится.

Я качаю головой:

– Я сделала это в последний раз. Не прощу себе, если кто отравится.

Вика садится на перила.

– У тебя с твоими травмами такого никогда не бывает. Ты как городская травница. Я всем друзьям рассказываю про тебя – не верят.

– Не рассказывай. Тут нечем гордиться. Кормлю людей блюдами из просрочки. – Я глажу подбежавшего котенка.

И тут на телефон приходит сообщение. В нем фотка, а на ней я глажу этого самого пятнистого котенка, что аппетитно хрустит кормом.

Я тут же встаю с корточек, оглядываюсь по сторонам.

– Опять сталкер? – Вика соскакивает с перил, заглядывает

в мой телефон.

Я сжимаю кулаки. Ну что за напасть со всех сторон? Снова объявился бывший.

– Честно говоря, он меня уже пугает. Это ненормально. – Я провожу рукой по волосам, собранным в хвост.

Вика смотрит с сочувствием, а потом вдруг взмахивает рукой:

– Я знаю, что тебе делать. Оказывается, есть такое приложение – «Доборотень». Там девы пишут просьбы – ну там, на свадьбе коллеги выдать себя за жениха или помочь от приставаний толстосума-шефа избавиться. Откликаются ТАКИЕ мужики, закачаешься!

Я с сомнением кошусь на Вику, потом в телефон.

– Да что ты теряешь? Попробуй!

– И что я напишу?

– Что тебе нужна помощь, чтобы кто-то притворился твоим парнем.

– А если этот кто-то потом схлопочет от сталкера?

– Говорят, там такие мужики, что кого хочешь в рогалик загнут.

Ой, сомнительное дело.

– И зачем им это?

– Это что-то вроде приложения для знакомств другого уровня. Сначала тебя спасает, а потом уже на свидание приглашает. Хочешь – идешь. Хочешь – кофе ему купишь.

Я смотрю на свое фото, присланное сталкером. Страшно-

вато как-то.

Хм... Может, и стоит?

Поддавшись моменту, скачиваю приложение, заполняю данные. Фоткаюсь на скорую руку под причитания Вики: «Ну как можно не накраситься даже для такого дела?»

И тут же жалею о поданном запросе на поддельного уха-жера, который поможет избавиться от сталкера.

Удаляю приложение.

– Я все-таки сама разберусь.

Глава 3

Александр

Через три часа

Еф заходит в кабинет, держа мой телефон так, будто тот вот-вот рванет. Его рука ходит ходуном, а глаза бегают по экрану, словно он не может поверить в увиденное.

– Что еще?

– Глава, это не взлом «Доборотня». Ребята проверили.

Я устало откидываюсь на спинку кресла и с кривой усмешкой спрашиваю:

– Что же тогда?

– Приложение правда подобрало девушку, с которой у вас совместимость 90%. От 70 уже поздравляют с вероятной истинной. Вам нужно попробовать с ней встретиться!

Скептически смотрю на Ефа.

– У меня уже была истинная, и ты прекрасно это знаешь. Комай глубже. Найми других ребят, но проучи шутников.

Эф явно хочет что-то сказать, но не смеет. Захлопывает рот и уходит.

Я беру другой свой телефон без этого дурацкого приложения. Нужно позвонить отцу и матери, узнать, как у них дела.

Соскучился по ним. Душа просит съездить в столицу, навестить свой бывший клан гибридов, где папа до сих пор альфа, но мозг осознает – еще рано.

Надо вернуться с триумфом. Заткнуть все злые языки, что твердят о потере зверя, о ментальном сумасшествии и об Олесе.

Олеся. Имя бывшей истинной отзывается горечью.

Я был молод, глуп и все потерял. Вообще все – истинную, репутацию, зверя, вынужден был уйти из клана. Слыл самым сильным ментальным сверхом на планете, а в итоге еле собрал себя по кускам.

Часть моего зверя и моего дара навсегда остались с Олесей и с Линой – девушкой, которую я погубил.

Тут дверь открывается, Эф всовывает голову:

– Шеф, у нее запрос срочный.

– У кого?

– Так у истинной по «Доборотню». Сталкер ее преследует.

Я смотрю на Эфа, и он приседает, сжимается под тяжестью моего взгляда.

– И кого я спасать буду? Шутников, кто это все организовал?

– Это правда, глава. Проверили все три раза!

Я так смотрю в ответ, что Эф тут же исчезает за бесшумно закрытой дверью.

Глава 4

Алиса

Темнота за окном ресторана сгущается быстрее, чем я рассчитывала. После смены я задержалась, чтобы разобрать склад – шеф снова нагрузил дополнительной работой, «раз уж ты так хорошо справляешься с мясом».

И почему я все это терплю?

«Терпи. Никому не сладко», – звучит в голове голос матери.

Когда мне стукнуло восемнадцать, я не уехала из дома. Разрывалась между учебой в колледже, работой и делами по дому. Я готовила на всю семью, «раз уж поступила на повара». Проверяла уроки младших братьев и сестер, ходила на родительские собрания.

Когда мне стукнуло девятнадцать, я все еще разрывалась на части, хотя ощущала себя так, словно меня душат.

В двадцать, после ссоры с мамой на тему не вовремя приготовленного ужина, я ушла из дома и больше не возвращалась. Сначала сняла койко-место в хостеле, потом комнату. Училась, работала, а потом уехала из родного города. Семья осталась там, в Сибири, а я уехала так далеко, как могла: в самую западную область нашей родины, оторванную от страны, – Калининградскую.

С младшими братьями и сестрами мы не прерывали об-

щения, а вот с родителями... Они не простили мне отъезд. Сказали, что я предала семью.

Меня никто из них не понимал, а я... Я с ними ощущала, что не живу свою жизнь.

И вот снова – слова шефа «раз уж ты так хорошо справляешься с мясом» окунули меня в прошлое «раз уж поступила на повара». И я снова терплю.

«Если еще хотя бы раз попросит меня готовить из срочки, уволюсь к чертовой бабушке», – обещаю я себе, выходя из ресторана.

В руках у меня пакет с обедками для бездомных котов у ресторана. Шеф ругается, что я их целый выводок развела, но я не могу иначе. Они же погибнут, а эти остатки все равно отправятся в ведро.

Я бы домой себе всех взяла, да со съемного жилья вылечу к ним в коробку.

Когда заканчиваю с шерстяными, в воздухе витает запах приближающегося дождя. А я опять без зонта! Это уже традиция.

Я ускоряю шаг – вдруг успею до ливня. И тут чувствую странное ощущение взгляда на себе.

Оглядываюсь – никого. Но мурашки уже бегут по спине.

На телефон приходит сообщение. До зубовного скрежета не хочу проверять его, потому что кожей чувствую: это бывший, Никита.

Мы с ним расстались два месяца назад, а он все никак не

может оставить меня в покое.

Не хочу, но достаю телефон. Неизвестный номер, мое фото в лучах уличных фонарей у ресторана. Это же было минут пять назад.

Удалить. Заблокировать.

Я уже меняла номер, но он как-то узнал новый. Есть у меня подозрения, что через официанта Васю на моей работе. Тот меня сильно недолюбливает, зато обожает деньги.

Как же мне не по себе от его преследований. А ведь ничем странным при знакомстве себя не выдавал.

– Лисена, – зовет он меня, как звал всегда.

И я вздрагиваю, по коже прокатывается волна ледяных уколов.

Останавливаюсь, оборачиваюсь.

Идет – кепка на глаза, руки в карманах джинсов, размашистая походка. Он высокий, хорошо сложенный, симпатичный – на это все я когда-то купилась и влюбилась без оглядки. А потом началось...

– Говорил тебе, бросай эту работу, – говорит мне еще на подходе. – Время видела? Ночь уже.

– Это уже не твое дело, Никит. – Я ищу в сумке перцовый баллончик.

Однажды я обслуживала столик ребят – бойцов местного клуба ММА. Было поздно, они засиделись допоздна. Я не согласилась тогда, чтобы они подвезли меня домой после работы, но сказала, что лучше пройду у них курс по самоза-

щите.

«Лучше купи перцовый баллончик. Ты никогда не знаешь, что в кармане у противника, а так дезориентируешь и убежишь», – сказал тогда один из них.

Я запомнила это навсегда. На следующий же день купила себе перцовый баллончик и положила в сумку. Надо было его сейчас сразу достать, но я что-то растерялась.

– Подумаешь, поругались. Возвращайся ко мне, Лисена. Я скучаю.

Меня больше этими сладкими речами не возьмешь. Раньше я велась, прощала, а потом начинался тотальный контроль. С кем разговаривала и переписывалась, с кем ела на обеде, для кого надела новый комплект белья или футболку.

Дошло до маразма – он мне сам трусы покупал. Такие бабушкины, хлопковые, в цветочек.

Устраивал истерики, чтобы я с работы уволилась, поскольку сходил с ума от ревности, что я обслуживала мужчин за столиками.

Каждый вечер проверял мой телефон, читал переписки. Оборвал связи со всеми немногочисленными подругами, которых я успела завести.

А потом он отвесил мне пощечину.

На этом мы и расстались.

– Нет, Никит, – твердо говорю я и вижу, как его лицо перекашивается злая гримаса.

Он больше не притворяется добрым парнем.

Темнота сгущается вокруг нас, и я чувствую, как воздух становится тяжелым от напряжения. Никита делает шаг вперед, и я автоматически отступаю назад.

– Уже нашла себе другого? – Его голос звучит неестественно спокойно, но я знаю это состояние.

Это затишье перед бурей.

– Это не твое дело, – отвечаю, сжимая сумку так, что пальцы немеют.

Где же этот чертов баллончик?

– Да ты что? – Он усмехается, и в его глазах вспыхивает бешенство. – А мне кажется – мое.

Я наконец нащупываю в сумке холодный цилиндр баллончика и незаметно вытягиваю его. Понимаю, что надо сейчас успокоиться, сказать что-то по уму, но трясет от ужаса.

Я знаю, что он может быть опасно непредсказуем.

– Никит, я устала. Давай потом поговорим.

Его лицо искажается.

– Ты мне не отвечаешь.

Он делает еще шаг, и теперь между нами меньше метра. Я поднимаю руку с баллончиком, но он резко хватает меня за запястье. Боль пронзает кисть, пальцы разжимаются, и перцовый спрей со звонким стуком падает на асфальт.

Глава 5

Александр

Двумя часами ранее

«Ваша истинная просит о помощи!»

В сумерках кабинета телефон достает меня постоянно мигающим оповещением.

Я закрываю глаза, чувствуя растущее раздражение.

Уже даже приложение снес, но никакого толку. Спецы тоже разводят руками. Более того, оповещение теперь приходит и на второй мой телефон.

У меня не остается сомнений в том, что меня решили достать через технологии.

Я его даже вырубить не могу – альфа должен быть всегда на связи, всегда готов реагировать на угрозу. Это моя обязанность и ответственность.

«Внимание! Истинной никто не может помочь, кроме вас!» – приходит уведомление со звуком, хотя я его отключил.

– Да ты что? Это еще почему? – Со злостью тыкаю пальцем в экран.

Разворачивается сообщение:

«При совпадении выше 85% блокируется отправленные свержам с меньшими процентами. Приоритет – истинному».

– Вот дают! – усмехаюсь я.

Я знаю, что до 70% совместимости по «Доборотню» девушка получает анкеты с парнями от большего процента к меньшему, и она уже сама выбирает. Это тоже считается интуитивным отбором.

А потом уже счастливому сверху приходит уведомление о том, что его *потенциальная* пара просит помощи.

А тут якобы даже девушке выбора не дают.

Хм...

И кто же это так хочет меня заманить и куда?

Я смотрю на время – десять вечера. Это значит, что в столице на час больше. Для звонка, конечно, поздновато, но Алрик поймет.

Набираю ему, и на второй гудок он уже отвечает.

– Да, Саш?

– Дело срочное, поэтому так поздно, Алрик... – Я обрисовываю ситуацию.

Через час создатель «Доборотня» выносит вердикт: заявка от девушки реальная, она тоже настоящая, а по геолокации мы в одном городе. Следов вмешательства его команда не нашла, все чисто.

Вылитая медовая ловушка!

Ясно одно: игнорировать это не получится, да и не в моем духе. Мне проще поехать и разобраться, увидеть, кто и что от меня хочет, чем вот так раздражаться, как от кружащего вокруг комара.

Приняв решение, тут же встаю. Разминаю шею, накидываю кожаную куртку на футболку – и вперед.

– Глава? – Еф встречает меня в коридоре. – К истинной?

– Что за придыхание в голосе?

– Да я просто рад. Истинная – это же такое счастье. Такое везение. Это же...

– У меня нет больше истинной. Заруби себе это на носу. И сообщи пятерке о трехминутной готовности.

Еф теряется на секунду, но кивает – принимает приказ. Он явно не понимает, зачем мне на встречу с истиной тащить пятерку сильнейших из стаи, как на разборку.

– Глава, а вы уже посмотрели ее анкету? Как она выглядит? Красивая? – Эф идет рядом, все никак не унимается.

– Зачем мне разглядывать приманку? – Я бросаю на него тяжелый взгляд, и он наконец замолкает.

Я спускаюсь по ступеням, заворачиваю и выхожу на балкон над бейсбольной площадкой. Внизу играют мои парни.

Этот Дворец спорта я купил с аукциона, отремонтировал и перестроил так, чтобы каждому из клана нашлось тут место. Деньги на все сколотил вот этими руками, которыми сейчас держусь за металлический поручень, оставляя злые вмятины.

Что я делал? Мое увлечение ретромашинами и умение разобрать их до винтика и собрать обратно оказалось очень прибыльным. Я никогда не чурался измазать руки по локоть в масле и очень хотел вылезти из того болота, куда засосало

меня и моего зверя.

Первые восемнадцать лет жизни меня боялись все. В два года я мог прижать весь клан к земле своим менталом, поэтому рос в постоянном напряжении. Тренировки по двенадцать часов в день, чтобы иметь контроль над силой. Ответственность за ментал, способный довести даже альфа до скулежа. И никакого детства.

Со мной никто не играл из сверстников – со мной тренировались. Нежность я получал от мамы-человека и сестры-близняшки.

Я думал, что стану взрослым и наконец заживу. Не знал, что с совершеннолетием серая полоса станет черной на много лет.

Сейчас – белая полоса моей жизни. Я создал свой клан, в котором меня уважают. Я дал крышу над головой сотне талантливых оборотней, которым было тесно в других кланах. Иногда я даже перекупал таланты, как футбольные клубы игроков. И все для того, чтобы мой клан стал одним из сильнейших в стране.

Конечно, есть завистники. Конечно, есть те, кто хочет, чтобы я никогда не поднимал голову. И конечно, есть те, кто боится, что я верну себе всю ментальную силу и прижму всех к земле.

Поэтому, когда мы с парнями едем на трех машинах по координатам, переданным мне Алриком, я готов к мясорубке.

Авто мы оставляем во дворах. Я распределяю ребят по самым выигрышным точкам, оцепив приманку, а сам двигаюсь к ней.

Пробираясь мимо зеленых кустов аллеи, мимо парковки, прохожу рядом с деревом, коронованным «гнездами» оме-лы, и вдруг слышу крик.

Женский, полный страха и скручивающий меня внутри в бараний рог.

Мгновенная звериная реакция заставляет рвануть вперед. Я лечу за угол и вижу их – высокий парень держит за хвост девушку в простой футболке и джинсах и заваливает ее назад.

– Ах ты ж стерва, Лисена!

Я уже рядом с ним – хват запястья, хруст кости, пинок ногой в живот так, чтобы улетел в кусты и навек запомнил, что девочек трогать нельзя.

Хватаю девушку за секунду до того, как она треснется головой об асфальт. Одна моя рука под ее головой, вторая держит под спину. И тут до меня запоздало доходит фраза обидчика девчонки.

«Ах ты ж стерва, Лисена!»

Я смотрю в огромные зеленые глаза девушки, и меня внутри словно расплавляют, а потом я в мгновение каменею.

Лисена... Так ласково обращались к моей бывшей истинной Олесе. Лисена, Лисенок, хвостик.

Зверь яростно напирает на мышцы, прося выхода. Жела-

ет растерзать эту парочку актеров, нанятых теми, кто точно знает мои слабые места.

Я смотрю в ее симпатичную мордашку, а внутри буря. Все дрожит от шторма чувств.

И тут, словно сквозь пелену, слышу скулеж – это я ментально прижал парней к земле, не сдержав силу от ярости.

Отпускаю девчонку в десяти сантиметрах от асфальта, и она с «ой» стыкуется с землей.

– Взять их, – отдаю приказ.

Знаю: мои отожмутся от земли и сделают. А вот я захлебываюсь яростью и сейчас сорвусь.

Поэтому ухожу в тень.

Глава 6

Алиса

Я лежу на жестком асфальте, оглушенная только что произошедшим. Сердце колотится так, будто пытается вырваться из груди, а в висках пульсирует кровь. Он бросил меня. Буквально. Поймал в воздухе, посмотрел в глаза – и швырнул обратно, словно я горячая картошка.

Серьезно?

Не больно, но очень обидно.

Ну конечно, почему я вообще ожидала чего-то другого? Мужчины в моей жизни либо использовали меня, либо были ненормальными. Никита тому яркий пример. А этот незнакомец в кожаной куртке, с руками, которые только что держали меня так бережно, ничем не лучше.

Но спасибо за то, что спасли. Без его вмешательства, боюсь, я закончила бы плохо.

– Вы в порядке? – Над моим лицом появляется другой незнакомец с одним невидящим глазом. Зрачок словно в пелене, второй, карий, смотрит достаточно добродушно.

Он не протягивает мне руки, и я встаю сама. Оглядываюсь, высматривая странного героя. Замечаю торчащие из куста ноги Никиты – он ими дергает, пыхтит, мычит, но выбраться не может.

– Вы кто? – Озираюсь по сторонам и вижу, как двое в чер-

ном подходят к моему бывшему и легко вытаскивают того из зеленой ловушки за штаны.

– Больше никого, Еф, – обращаются к одноглазому.

Ежусь. Вспоминается фраза, брошенная мужчиной в кожанке: «Взять их». Становится не по себе.

Что тут происходит? И где мой странный спаситель? Я же не ослышалась?

Еф оглядывается, словно кого-то высматривает, принохивается, а потом нервно щурится и все же поворачивается ко мне.

– Доборотня для сталкера вызывала? – с натянутой улыбкой спрашивает он так, словно неудачно пошутил.

– Чего? Какого доборотня? – Я совершенно не понимаю, о чем он говорит.

– Приложение по подбору... то есть для помощи одиноким девушкам – «Доборотень». – Парень загораживает мне собой вид на Никиту, который дергается в руках двоих, оттаскивающих его куда-то вниз по улице. – Ты же заполняла анкету?

Я киваю и все же подаюсь в сторону, чтобы проследить путь бывшего.

– Алиса! Ты пожалеешь! Я тебя найду! – орет Никита, и ему отвечивают пинок.

И что я за него переживаю? Пусть себе летит куда подальше, он в надежных, каких надо руках.

– И куда его понесли? – Мой вопрос Еф игнорирует.

Я, конечно, не особо против, чтобы Никите преподали урок, но смерти ему не желаю.

Значит, дело в том самом приложении, что посоветовала установить официантка Вика? Но как они меня нашли?

– Я удалила этот запрос и само приложение, – припоминаю я вслух, глядя, как Никите отвешивают подзатыльник, потому что он не перестает сыпать угрозами в мой адрес.

Неужели ребята реально пришли мне на выручку?

Парень явно не хочет отвечать, просто пожимает плечами.

– Спасибо, что спасли. – Я с паузой подбираю слова от растерянности. – Что я вам за это должна?

– Ничего. Пойдемте! – говорит незнакомец.

Я стою на месте, и он, сделав два широких шага, оборачивается.

– Что такое?

«Взять их», – звучит в ушах команда моего героя. И она мне совсем не нравится.

Раньше я не слушала свою интуицию, которая предупредила, что Никита не мой принц. Или что мама никогда не оценит моего вклада в семью и надо думать о себе. А вот сейчас я послушаю свое шестое чувство.

– Мне нужно бежать! Я вспомнила, что забыла на работе телефон. – Я провожу рукой по волосам, приминая выбившиеся пряди, и разворачиваюсь.

Не дожидаясь ответа, поднимаю перцовый баллончик с асфальта, вцепляюсь покрепче в сумочку и ухожу.

Делаю шагов десять, и, когда уже верю, что погони не будет, дорогу мне преграждает Еф.

Я оборачиваюсь назад, где он был, потом снова смотрю на него:

– Вы... как так быстро?

Только что был сзади, я отошла метров на пять вперед, и вот он тут – перед глазами.

– Я у мамы атлет, – отвечает он так, что понятно: врет и не краснеет.

Никиту и двух его носильщиков уже не видно.

Я сжимаю перцовый баллончик покрепче в кулаке, и парень поднимает руку.

– А вот этого не надо. Приятного мало – эффекта для вас ноль. Пойдемте.

– Куда?

– Поговорить.

– О чем?

– Вас хочет видеть наш глава.

Глава? Ничего себе должность. Мне с таким точно не по пути.

– А если я не хочу его видеть?

– Ну он же вас спас. – Незнакомец пожимает плечами. – Отплатите ему хотя бы разговором.

Я оглядываюсь по сторонам. Смогу ли убежать?

Я отступаю на шаг, сжимая баллончик так, что пальцы болят. Это Еф не выглядит угрожающе, но его скорость пугает.

юще неестественная. Он словно не бежал, а переместился прямо передо мной.

– Я никуда не пойду, – говорю твердо, хотя голос дрожит. – Спасибо за помощь, но я справлюсь сама. И я готова заплатить за услугу... защитника. Только скажите сколько.

Я считаю в уме, сколько у меня на счету. Сколько лет я уже мечтаю начать откладывать на ресторан, но не получается даже нормально дотянуть до зарплаты, хотя я совсем не шикаю.

Надеюсь, они не загнут большую сумму за спасение.

Незнакомец вздыхает, словно родитель, который устал от капризов ребенка.

– Хотя бы скажите спасибо тому, кто вас спас. Он там. – Еф кивает в сторону аллеи.

Я никого там не вижу.

Я колеблюсь. С одной стороны, нужно бежать. С другой – ощущение, что у меня это не удастся. Да и просят меня всего лишь поблагодарить за спасение.

Я же не какая-нибудь неблагодарщина, верно? В конце концов, он спас меня от Никиты. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы не он.

– Ладно, – Я соглашаюсь, но не расслабляюсь.

Мы идем по тропинке, и с каждым шагом сердце бьется чаще. В тени деревьев стоит ОН – выше меня на голову, широкоплечий до мысли «А такие бывают?», с резкими чертами лица, которые в полумраке кажутся высеченными из кам-

ня.

Его глаза не просто холодные. Они горят. Голубые, как пламя газовой горелки, бездонные и опасные.

Когда наши взгляды встречаются, внутри что-то сжимается.

Я думала, что у него ледяной взгляд? Да там полыхает пламя, способное спалить все дотла.

Я цепенею, а потом интуитивно отступаю назад.

Глава 7

Александр

Я смотрю на девушку, которую только что спас, и чувствую, как зверь внутри меня бьется в клетке. Не просто бьется – он чует ее.

Она пахнет очень приятно. Как трава после дождя, как горячий хлеб, как молоко с медом. Не знаю, как все эти разные запахи ассоциируются у меня с одной ей, но хочется вдыхать ее снова и снова.

Я резко выдыхаю через нос, стараясь сбросить наваждение.

Похоже, ароматические технологии шагнули еще дальше. Создали вкусовой дурман для сверхов, а не только спрей, сбивающий естественный запах.

Возможно, этот состав сделали специально для меня. Чтобы сбить с пути. Чтобы свести с ума. Чтобы отвлечь от сделки с янтарем, благодаря которой мой клан станет равным любому из пяти столичных.

Этот аромат проникает в ноздри, а взгляд на хрупкую фигуру парализует сознание, заставляет забыть о ярости, что кипела в крови секунду назад.

Но это невозможно.

Я знаю, что у меня не может быть второй истинной. Олеся разорвала связь, и часть моей силы осталась с ней, а зверь

травмирован и предан.

Значит, тут как следует постарались враги. Те, кто хочет, чтобы я никогда не поднял головы.

– Спасибо, что спасли, – говорит она тихо, но не опускает глаз.

Они у нее зеленые, как молодая листва.

Я молчу, потому что если открою рот – сорвусь. А я и так уже натворил дел. Девушка, конечно, в одной упряжке с врагами, но я мог бы и помягче. Испугался, что вопьюсь в нее когтями, вот и устроил аварийное приземление.

– Вы из приложения? – Она нервно сжимает одной рукой сумку, а другой – перцовый баллончик.

– Нет.

Пусть не думают, что я попался на их уловку.

– Но он сказал... – Девушка растерянно оборачивается к Ефу.

– Он ошибся, – отрезаю я, строго смотря на своего помощника.

Еф закатывает единственный глаз, но я игнорирую его.

Девушка заправляет выбившуюся прядь за ухо. Милый жест. Какого цвета у нее волосы? Русые? В полутьме не понять их оттенок.

Хвост, за который держал ее актеришка, съехал набок. Стоит вспомнить этого отморозка, как такая злость берет, что начинают ныть от сжатия челюсти.

– Тогда зачем вы меня спасли? – неожиданно спрашивает

она.

Вот еще одно доказательство, что она засланный казачок. Просто так не отстает, не убегает, а крутится у меня перед носом. Напшикалась дрянью, чтобы меня околдовать, и ищет способ подобраться ближе.

– Согласен. Не должен был этого делать, – бросаю я.

Я должен был приехать, убедиться, что это ловушка, и уйти. Но ее крик...

– Я просто проходил мимо, – добавляю сквозь зубы.

– И решили помочь незнакомке? – зачем-то уточняет она, пристально глядя мне в глаза.

Я молча смотрю в ее маленькое лицо. И почему она работает на всякий сброд? Нужны деньги? Одета просто, но это может быть для образа, чтобы я проникся.

И тут она припечатывает меня упреком:

– А потом бросили меня на асфальт.

Та еще штучка.

Я не понимаю, что со мной происходит. Почему мой зверь, который уже годы спит, глухо рычит при виде нее? Почему я чувствую ее запах даже сейчас, когда она в трех шагах от меня?

Это сводит меня с ума. Мои рецепторы как взбесились. Мне хочется подойти, потрогать, понюхать, а потом...

– Еф, у нас есть нейтрализатор? – спрашиваю, стараясь как можно меньше дышать.

– Валяется в бардачке.

– Неси.

А сам обращаюсь к девушке:

– Едем.

Она отступает на два шага назад, рука с баллончиком держится. Пугаю ее, и от этого волосы на затылке встают дыбом. Зверь бунтует.

– Н-никуда я с вами не поеду. – Она отступает еще на шаг.

Я стараюсь мягко пояснить:

– Твой бывший – полный придурок. Он вернется.

Конечно, никто не собирается так легко его отпускать, но ей это знать необязательно. Мне просто нужен предлог спокойно доехать до клана.

– Я справлюсь. – Он делает еще один шаг назад.

Зверь рвется к ней, и мне это ох как не нравится. Где же Еф с нейтрализатором?

– Нет.

– Это моя жизнь.

– А сейчас ты – моя ответственность.

– Что? – Она морщит нос и лоб, при этом все равно остается милой.

Я не понимаю, почему вообще ей что-то объясняю. Она работает с моими врагами, а я забочусь о том, чтобы она сильно не перепугалась и думала, что это для ее пользы?

Чем я занимаюсь?

Еф появляется с нейтрализатором и кашляет в кулак:

– Глава, может, не так резко с парой-то...

Я бросаю на него взгляд, и он замолкает.

Алиса наставляет на меня перцовый баллончик.

– Я не пойду с вами.

– Тогда я тебя понесу.

Она бледнеет.

– Вы что, угрожаете мне?

– Констатирую факт.

Я вижу, как она переводит взгляд на Ефа, ища поддержки.

Он пожимает плечами.

– Лучше не спорить с парой.

Да вот же идиот! Не пара мы.

– Вы оба ненормальные! – Она собирается нажать на кнопку, но за секунду до этого я взваливаю ее на плечо, баллончик падает на землю.

– Еф, обработай ее. Дышать не могу. – Я иду к машине и на ходу бросаю команду.

Девушка бултыхается, а после моих слов застывает в шоке. Я слышу, как она принюхивается к себе.

Глава 8

Алиса

Я что, настолько отвратительно пропахла кухней, что меня нужно продезинфицировать?

Незнакомец несет меня на плече, как мешок с картошкой, а в голове пульсирует одна мысль: «Вот я влипла!»

– Спасите! – Пытаюсь вырваться, но его рука, обхватившая мои ноги, подобна стальному обручу.

– Тихо, – буднично говорит он, будто обсуждает погоду.

– Помогите! – Я сжимаю кулаки и бью его со всей силы по спине, но он даже не вздрагивает.

Его мышцы под курткой твердые, как камень.

Вокруг никого, кто бы смог меня спасти. В голове тут же появляются варианты, куда меня везут. Хотят продать в рабство? Пустить на органы?

– Я тебя не обижу. Поговорим только, и все.

– Здесь поговорим!

Он подходит к черному внедорожнику, открывает дверь и буквально запихивает меня внутрь. Я тут же кидаюсь к другой двери, но она заблокирована.

Он садится рядом, принохивается и протягивает руку в открытую дверь:

– Нейтрализатор.

И еще раз распыливает на меня нечто непонятное. Я

замираю, потом принимаю к коже на руке – ничем не пахнет. Осматриваю кожные покровы. Вроде сыпи никакой не видно.

– Да что вы творите? – Я тяжело дышу, смотрю на него, сидящего рядом, и просто бешусь от его титанического спокойствия.

– Кто тебя послал? – вдруг спрашивает он, и я замираю от удивления.

– Что? – переспрашиваю я.

– Кто. Тебя. Послал? – Незнакомец чеканит слова. – Лисы? Бродячие? Волки? Медведи?.. Гибриды?

«Послал»? Он сумасшедший. А если нет, то это, должно быть, какое-то название банд?

– Подождите. Я вам очень благодарна за спасение, но что произошло дальше... Я совершенно не понимаю. – Мотаю головой, пытаюсь говорить спокойно и рассудительно, чтобы спастись. – Вы меня в чем-то подозреваете, так? Или это из-за дурацкого «Доборотня»?

Незнакомец медленно поворачивает ко мне голову и больше губами, чем голосом, говорит:

– Бинго!

– Так и знала, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке! – Я стучу себя по ноге. – Но я же все удалила. Мне уже не нужна была помощь.

– Угу, – скептически выдает он, не разжимая рта и глядя вперед.

А там на водительское место уже садится Еф, заводит машину и тут же трогается с места.

И тут герой открывает окно и поворачивается к нему так, словно ему невозможно дышать.

– Я не пахну! – говорю, хотя сама уже не так уверена в этом.

После смены в ресторане от меня действительно может разить жареным луком и специями, но чтобы вот так... «Дышать не могу» – серьезно?!

– Это не ты. – Он поворачивается ко мне, и в его глазах что-то дикое, звериное.

– Я весь день на кухне...

– Не так. – Он резко выдыхает. – Ты пахнешь...

Его руки на коленях сжимаются в кулаки, белые костяшки пальцев проступают через натянутую кожу. У меня по спине бегут мурашки.

Он замолкает и резко отворачивается к окну, оставляя меня в полном недоумении.

Как я пахну?

Он очень странный. Может, шизофреник? Или еще что?

Нужно отсюда выбираться.

– Тогда что вы делаете? Куда меня везете? – отвлекаю я разговором, а сама лезу в сумочку за телефоном.

Наберу телефон экстренной службы.

Моя рука нащупывает заветный корпус в сумке, но прежде, чем я успеваю достать мобильник, незнакомец рез-

ко поворачивается и хватает меня за запястье.

Глядя прямо в глаза, забирает телефон и выкидывает его в открытое окно.

– Эй!

А он вдруг как рыкнет на меня:

– Я же сказал: не обижу! Расслабься и не паникуй. Ответишь на несколько вопросов честно – уже через два часа будешь дома в целости и сохранности.

Его голос низкий, рычащий, но в нем столько уверенности, что я замираю.

Несколько секунд мы едем в полной тишине, пока я собираюсь с мыслями. И когда я наконец решаюсь, то поворачиваюсь к герою-похитителю:

– Спрашивайте.

– Не здесь. – Он повернут к открытому окну, дышит через раз.

– Почему?

– Сначала ты смоешь с себя все, что нанесла.

Я как можно незаметней нюхаю свою футболку. Странно. Чем же я так противно для него пахну?

Когда мы подъезжаем к Дворцу спорта на окраине города, я снова напрягаюсь.

– Слышала, здание выкупила частная охранная фирма.

Вижу, как глаза незнакомца сужаются, он кивает, но я почему-то ему не верю. Он словно усмехается над шуткой.

Автоматические ворота отъезжают, и мы оказываемся на

территории большой парковки. Едем не к центральному входу, а огибаем большое здание сбоку.

Нет, я все-таки дурочка. Мужики везут меня неизвестно куда непонятно зачем, а я сижу. Надо бежать при первой же возможности.

Я осматриваю все, что есть в машине и что можно использовать как оружие.

М-да, негусто. Ежедневником я разве что чуть поколотить могу – меня он точно не спасет. Бутылка воды? Разве что смогу ее использовать как одноразовый снаряд.

Мы поворачиваем, и я вижу у заднего входа припаркованную машину, из которой вытаскивают Никиту. И тут меня осеняет.

– Мой бывший вам что-то задолжал, да? – спрашиваю я, но незнакомец даже не поворачивается ко мне.

Машина останавливается. Герой-похититель открывает свою дверь, выходит из машины раньше шофера и открывает мою.

– Выходи, – бросает он.

А я быстро пересаживаюсь на его место, открываю дверь и выбегаю по другую сторону от машины.

Глава 9

Я несусь вперед что есть мочи – не оглядываюсь, не верчу головой по сторонам. Знаю, что моя свобода и плен могут разниться на секунду.

Добраться бы до вон того дерева, там можно перемахнуть через забор!

В голове стучит страх и какой-то азарт: смогу сбежать или нет?

Но я не успеваю пробежать и семи метров, как подлетаю над землей. Ноги болтаются в воздухе, а вокруг талии сжимаются крепкие руки.

Я оказываюсь поднята над землей тем самым привлекательным незнакомцем, с которым ехала в машине. Мужчина несет меня под мышкой как двухлетнего ребенка, легко и непринужденно двигаясь в сторону служебного входа в здание.

– Спасите! – кричу я, но перед нами распахивают дверь, и я едва ударяюсь ногами. – Ой! – кричу громко, чтобы посмотреть его реакцию на мою боль.

Если совсем отбитый, то даже внимания не обратит. Вот тогда точно караул.

– Прости, – говорит он, тут же ставит меня на ноги, поворачивается к Ефу и распоряжается: – Организуй ей комнату и позови Эмму. Пусть проследит, чтобы она помылась. Ней-

трализатор не работает.

Он поворачивается в сторону длинного коридора.

ЧТО?! Что-что?

Он явно собирается уходить и оставить меня после такого гениального плана?

– Простите, уважаемый! Не знаю, как вас там по имени...

– Я скрещиваю руки на груди.

– Александр.

– Так вот, Александр... Вы, если мне не изменяет память, хотели поговорить.

Александр даже не оборачивается на меня.

– Тебе нужно помыться, – бросает он и уходит.

Нет, ну это совершенно возмутительно! Мало того, что каким-то спреем обработали, так еще и в душ отправляют. Словно меня на вокзале с картонки соскребли, блох стряхнули и хотят облагородить.

Я стою посреди коридора с возмущенно открытым ртом до того момента, пока Александр не скрывается за поворотом.

– Он шутит? – с надеждой спрашиваю у Ефа.

Он смотрит на меня с сочувствием, что удивительно.

– Алиса... – Еф обращается ко мне, и я вздрагиваю.

Откуда он знает мое имя? Я точно его не называла.

– Наш глава вас не обидит. Если просит помыться – сделайте это, пожалуйста. Он... очень чувствителен к запахам.

Я смотрю на Ефа, потом еще на двух здоровых ребят за его

плечами. Они как-то одновременно и весьма неловко растягивают губы в широкой улыбке.

– Бессмыслица какая-то, – бормочу я.

Еф показывает мне жестом, чтобы я следовала за ним. За спиной замирают двое амбалов, они все еще продолжают пугающе широко улыбаться.

Я нервно вздыхаю и иду за Ефом.

– Он что, чистоплотный маньяк? Бандит-педант? Ну не могу я так неприятно пахнуть, чтобы желать меня постирать с хлоркой.

Еф смеется и поворачивает голову, чуть замедляется:

– Возможно, вы, наоборот, слишком сладко для него пахнете.

– Сладко? Как варенье? Или... – прерываю я сама себя.

Да нет! Еф же не мог иметь в виду, что я привлекательно для Александра пахну? Он бы не фыркнул тогда, не тер нос рукой, не дышал бы в окошко.

Бред какой-то. Может, я заснула на работе в подсобке и мне снится весь этот дурдом?

Еф лишь с пониманием усмехается в ответ на мои предположения. А я не могу отделаться от странного ощущения, что ко мне эти здоровяки относятся с уважением.

Более того, я ни одного похотливого взгляда в свою сторону не заметила. Вообще, ниже лица взгляды ребят не опускаются, словно там стоит невидимый блок. И держатся от меня на почтительном расстоянии.

Да что же это такое?

– Добро пожаловать! – встречает меня у одной из дверей невысокая брюнетка с узкими плечами и внушительными бедрами.

Она улыбается словно девушки на ресепшене – официально и дружелюбно. Так пленниц не встречают.

– Я Эмма. А ты та самая пара из «Доборотня»? – Девушка равняется со мной и идет рядом.

Снова этот «Доборотень». И что значит «пара»?

Я ловлю предупредительный взгляд Ефа на Эмму, и он кашляет в кулак.

– Эмма, доверяю Алису тебе.

Они обмениваются долгими взглядами, и она медленно кивает.

Эмма открывает дверь за спиной и показывает рукой:

– Проходите. Это ваша комната.

Я заглядываю с порога внутрь. Первое, что бросается в глаза: тут нет окна. В остальном же обычный гостиничный номер, если не знать, где он находится.

– Душ там. Полотенца в шкафу. Там же есть несколько комплектов разной удобной одежды. Посмотрите, что подойдет. – Эмма показывает комнату, а я не спешу заходить внутрь.

– Вы голодны? – Эмма смотрит на меня с улыбкой.

Я отрицательно мотаю головой, оборачиваюсь на Ефа, который замер в коридоре, ожидая, когда я зайду. Чуть поодаль

два здоровяка все так же на посту, чтобы не допустить моего побега.

Я набираю полную грудь воздуха и захожу в комнату. Эмма быстро прощается, и я жду, что за ней щелкнет замок, но этого не происходит. Поворачивающаяся ручка есть с моей стороны.

Я медленно приоткрываю дверь и выглядываю в коридор. По обе стороны от проема стоят те два здоровяка и снова начинают растягивать губы в улыбке.

Бах! Я закрываю дверь.

Щелк! Поворачиваю ключ.

И медленно осматриваюсь.

Глава 10

Я остаюсь одна в комнате, и первое, что делаю, – это проверяю дверь. Запирается, и это уже маленькое счастье!

Комнату, в которой я оказалась, можно назвать даже просторной. С двухместной кроватью, письменным столом и даже мини-холодильником. На столе свежие фрукты, янтарная вазочка с местными марципанами и бутылка воды. На холодильнике яркими пачками красуются разнообразные мюсли. Внутри же холодильника ждут своего часа молоко, газировка и квас.

Квас?

Странный набор, но ладно.

– Ну, хоть не в подвал бросили, – бормочу я себе под нос.

А потом поднимаю голову к потолку и внимательно осматриваю его периметр и люстру на предмет камеры. Не видно, но это еще ничего не значит. Прохожусь по номеру, кручу в руках предметы интерьера, заглядываю за изголовье кровати, под стол.

Кажется, что чисто, но расслабляться рано. Я подхожу к шкафу и открываю его. На полках сложены несколько комплектов спортивной одежды, при этом помечены размеры и пол – «М» или «Ж». В выдвижных ящиках шкафа так же по полу и по размеру разложено новое нижнее белье с бирками. И если трусы есть разных моделей, то бюстгалтеры исклю-

чительно спортивного плана, как короткие топы.

Они тут что, готовы к пленным любого пола и размера?

Мое исследование продолжается в ванной, где я внимательно проверяю душевую кабину на предмет камер. В глаза бросается стильная раковина, а средства гигиены и для умывания, одноразовые бритвенные станки и вовсе ставят в тупик. На змеевике висят белоснежные полотенца.

Здесь пахнет свежестью и чем-то древесным. Непохоже, что тут редко живут.

Я кошусь на душ – принять или нет?

Во-первых, после смены в ресторане это не помешает. Во-вторых, если Александр так настаивает – значит, у него есть причина. В-третьих, меня отсюда, похоже, грязной девочкой не выпустят.

Может, и правда у него супернюх или что еще?

Я закрываюсь в туалетной комнате, снимаю с себя одежду и встаю под струи теплой воды. Она смывает усталость, но не тревогу. Я моюсь быстро, потому что все время боюсь, что дверь сейчас распахнется.

Что они хотят? Почему меня держат? Почему этот Александр так странно себя ведет?

Мою голову, потому что волосы мгновенно цепляют все запахи. Шампунь тут приятный – пахнет едва уловимо, ненавязчиво, но при этом оставляет тонкий шлейф свежести.

Я выхожу из душа, наскоро вытираюсь полотенцем и тянусь к своей одежде.

Стоп. Он все время твердил, что я пахну. На одежде точно сохранился запах кухни. И как бы мне ни было неприятно надевать казенную одежду, похоже, придется.

Может, у него болезнь какая? Или отклонение? Похоже, все, чтобы поговорить с ним, должны пройти через помывку и переодевания. Тут же вон сколько разноразмерной и разнополой одежды.

Я выхожу в полотенце в комнату, кошусь на дверь – она по-прежнему закрыта. Достаяю из шкафа один из спортивных комплектов – серые спортивные штаны и свободную футболку. Выбираю комплект белья по размеру. Быстро одеваюсь.

Где-то я видела фен...

Точно, в ванной висит.

Я сушу волосы, и стоит мне закончить, как сразу раздается стук в дверь.

– Алиса? – слышу голос Эммы.

Откладываю фен, но не спешу открывать. Вся сразу напрягаюсь перед неизвестностью.

– Можешь открыть? Никто тебя не тронет.

– А что, если не открою? – Я подхожу к двери.

Это маленькая проверка с моей стороны на вшивость. Психанут – все с ними ясно.

– Тогда мы подождем, – на удивление терпеливо отвечает Эмма.

– Пока не соглашусь выйти? – предполагаю я.

– Пока Александр не прикажет выломать дверь.

Ого! То-то слишком сказочно шел разговор. Вот это уже больше похоже на правду.

Я вздыхаю, поворачиваю ключ и открываю. Эмма стоит на пороге, за ней – те же двое охранников. Она окидывает меня взглядом с ног до головы, задерживается на распущенных волосах и втягивает носом воздух.

– Я вам тоже противно пахла?

Она отрицательно мотает головой. Двое здоровяков за ее спиной старательно отводят от меня глаза.

– Ты готова поговорить с главой? – Эмма натягивает дружелюбную улыбку.

– А у меня есть выбор? – Я даже не пытаюсь показать, что мне тут что-то нравится.

– Нет, – со смешком выдает Эмма, как-то загадочно на меня поглядывая. – Идем. Кажется, главу ждет большой сюрприз.

Глава 11

Александр

Я залпом выпиваю стакан ледяной воды, стоит ей только войти в кабинет. Грызу лед, потому что иначе буду, как один знакомый товарищ медолис, грызть стол.

Она пахнет еще ярче. Да твою ж маму!

Волосы распущены, струятся по плечам золотыми волнами при свете люстры. Еще и смотрит так невинно и испуганно.

Да вашу баржу!

Зверь подрывает меня с кресла, и я оказываюсь рядом с ней. Бью ладонью по все еще открытой двери и захлопываю ее перед носом Эммы.

Мы с ней наедине, и животная половина довольно порыкивает.

– Алис-с-са, – растягиваю я, глядя в огромные зеленые глаза.

Горло спазмирует. Зверь бесится внутри, сходит с ума. Ее запах густым дурманом проникает прямо в мозг.

Сумочку Алиса забыла в машине, а Эмма должна была следить через зеркала, чтобы она ничем себя не обработала. Тогда почему она пахнет еще сильнее?

Почему я не могу отвести от нее глаза?

Мне хочется рассмотреть все – персиковую кожу, блестя-

щие волосы, кукольные губы.

Губы... Я несколько секунд просто не могу оторвать от них взгляд, особенно когда они едва приоткрываются.

На них нет ни помады, ни блеска. В них хочется впитаться поцелуем, и я едва держу себя в руках, чтобы не попробовать ее на вкус.

Буквально заставляю себя поднять взгляд к ее глазам и сглатываю комок в горле. Такая красивая!

В голове пустота. Белый шум. Руки-ноги словно не двигаются.

– М-м-м, Александр... – Ее растерянный шепот запускает что-то в моей голове, но явно не мозги.

Я чувствую, как близок зверь. Зрение резко обостряется – каждая ее ресничка, каждая веснушка видны так четко, будто через микроскоп.

– Ты... – Голос звучит хрипло, почти звериным рыком.

Я не знаю, что хочу сказать. Хочу вжать ее тело в свое, запутаться рукой в ее волосах, поцеловать, а потом...

Встряиваю головой, пытаюсь сбросить наваждение, но оно держит меня за горло. Состояние, не похожее ни на что – ни на опьянение, ни на похоть. Лучшее определение, которое его описывает: я как околдован.

И кто-то над этим очень хорошо постарался.

Алиса замирает, прижавшись спиной к двери. Ее сердце бьется так громко, что я слышу его даже сквозь свист крови в собственных ушах.

Черт! Зачем я опустил взгляд на грудь? Тело мгновенно отреагировало.

– Вы... ваши глаза... – шепчет Алиса.

Знала бы ты, что происходит ниже моих глаз, девочка, бежала бы к своему отправителю что есть мочи.

Мне нужно выгнать ее, чтобы вернуть себе контроль, но все, на что меня хватает сейчас, – это не наброситься на нее.

– Кто тебя послал? Леон?

У него хватит ума изобрести средство, способное свести с ума.

Я наклоняюсь к Алисе ближе, вдыхаю запах волос и чувствую, как все мышцы расслабляются от аромата девушки.

Он необъясним. Его невозможно описать запахом ни одного фрукта, цветка или предмета. Она пахнет совершенно особенно. Так, что хочется вдыхать снова и снова.

Я ловлю рукой золотистую прядь, провожу шелк волос между пальцами и накручиваю на указательный, потому что Алиса отстраняется.

– Т-ш-ш. – Я не хочу, чтобы она убегала.

Алиса смотрит абсолютно растерянно.

– Н-никто меня не посылал.

Девочка может быть мало замешана в этом, а может быть по самое горло. Вот по это привлекательное горло...

Я провожу другой рукой по ее шее, она вздрагивает, вжимает голову в плечи.

Она уже заключена в ловушку между мной и дверью. Ее

запах становится настолько сильным, что я обнаруживаю себя в мгновении до поцелуя.

И ровно в этот момент мне прилетает удар по голени. Я морщусь нос и укоризненно смотрю на удивленную девушку.

Не такой реакции она ожидала. И это вызывает у меня улыбку.

И тут она сжимает кулаки, чуть подается головой назад, и я успеваю отпрянуть в последний момент. Еще чуть-чуть – и я получил бы удар в нос ее хорошеньким лобиком.

Эта крошка осмелилась атаковать меня – альфу западной стаи. Оборотня.

Она точно не знает, кто я, иначе бы ни за что не посмела такое провернуть. Более того, она вряд ли подозревает, что связалась со сверхами.

– Хороший удар. Но лучше бы так приложила парнишку, с которым разыгрывала сцену. Возможно, я тогда бы поверил.

– Поверил во что? – Она глубоко дышит, так, что ее грудь то поднимается, то опускается.

Сжатые кулаки говорят о том, что она все еще готова защищаться.

– Что ты не в курсе, чьей парой напросилась быть.

Алиса несколько раз моргает, ее кулаки разжимаются. Она удивленно смотрит мне в лицо. Я же смотрю в ответ.

Какие губы. Какие глаза. Какой вздернутый носик.

Она такая хорошенькая!

Мне так кажется из-за запаха или она сама симпатичная?

Надо спросить у ребят.

Я дотрагиваюсь до ее щеки, и она тут же отстраняется. Зверь рычит от недовольства так, что у меня в груди вибрирует.

Мне бы оттолкнуться от стены, сесть за рабочий стол, открыть окна настежь и допросить ее, но я не хочу. Хоть за штаны меня отгаскивать будут – с места не сдвинусь.

– Расскажи мне, чем ты занималась последний месяц, – шепчу я прямо в ее губы.

Она прижимается головой к двери и отворачивается, но дальше бежать некуда – она в ловушке моих рук. Ее прядь волос до сих пор накручена на мой палец. И это доставляет мне какое-то странное удовольствие.

– Работала.

– На кого?

– На Дениса Андреевича, владельца ресторана «Баолт». Официально, по трудовой, поваром, – зачем-то добавляет она.

При встрече она и правда пахла маслом, мясом и специями, помимо того самого притягательного аромата.

– И кто тебя надоумил заполнить анкету «Доборотня»?

– Вика, наша официантка.

Я тут же напрягаюсь. Вот и ниточка. Конечно, если Алиса не врет и начала выдавать подельников.

– Сколько тебе заплатили? Я дам в десять раз больше.

Алиса смотрит на меня и хлопает глазами:

- Вы спрашиваете, сколько мне заплатили в этом месяце?
 - Так ты еще и не один месяц на них работаешь?
- Я усмехаюсь. Вот и раскалывается крепкий орешек.

Глава 12

Алиса

Я едва дышу.

Спиной ощущаю прохладную твердь двери, а спереди чувствую жар, идущий от Александра.

Он словно пульсирует энергией, и она отзывается во мне странным трепетом в груди.

Помню, как-то родители ругались в маленькой комнате за закрытой дверью. Кричали друг на друга до дрожи стен, а потом вышли, помирившись. Так в той комнате такая парилка была после них, что все стекла покрыл конденсат. Вот тогда я поняла, насколько человек способен вырабатывать энергию и тепло при сильных эмоциях.

И сейчас Александр просто их источает.

Я даже чувствую его запах. Это не духи, не пот, а что-то более глубокое, словно запах леса после грозы. Александр окутывает им меня, околдовывает. С каждым вдохом я хочу повторить глубже, придвинуться чуть ближе и наполнить его запахом легкие.

Никогда такого не испытывала, и от этого немного стеснительно за себя.

Да что такое со мной?

И этот запах действует на меня странно – то успокаивает, то заставляет сердце колотиться в бешеном темпе, то пара-

лизует, то пугает так, что я два раза замахиваюсь. Один раз даже попадаю.

А еще... Александр оказывается совсем другим, чем показался мне на улице. Там он виделся мне отстраненным, а сейчас все женское во мне буквально считывает опасность и его дикую привлекательность.

Голубые глаза, что на улице горели холодным огнем газовой горелки, превратились в два синих солнца. Наверное, просто световой эффект, но он меня завораживает.

Вообще, он очень красивый мужчина. Резкие, словно резные черты лица. твердость взгляда и какая-то жутко притягательная холодность натуры. Все это создает поразительный контраст, от которого у меня подгибаются колени.

Он шепчет на ухо – у меня бегут мурашки.

Он говорит у губ – и я не знаю, чего больше хочу: чтобы поцеловал или куснуть, чтобы больше не приближался.

Когда его пальцы касаются моей шеи, кожа вспыхивает, словно обожженная, а потом по телу прокатывается волна странного удовольствия.

И это пугает меня до чертиков.

Его ладонь шершавая, словно он много работает руками, и этот факт почему-то откликается во мне удовольствием.

Пугающим удовольствием.

Он меня спас и украл.

Он поймал и сам же уронил.

Он зажал меня между собой и дверью, а сам допрашивает.

Его дыхание касается шеи, и живот странно сжимается. Никто раньше со мной так себя не вел.

Как часто я, смотря мелодраму, кричала героине, что она тупит. А сама?

Нет, я, конечно, попыталась бороться, но, когда Александр зажимает меня в ловушку рук, такой большой и напористый, я совершенно теряюсь.

Он больше и сильнее меня. Я и так ему двинула по ноге, а от удара в голову он увернулся.

Создается ощущение, что он может свернуть меня в рога-лик, а я и вякнуть не успею. Более того, у меня складывается впечатление, что я своими действиями только раздражила зверя.

Да, зверя, и никак иначе. Он словно весь превращается в охотничий инстинкт. А я совсем не хочу оказаться в позиции принуждения.

Поэтому, когда он начинает задавать вопросы, я цепляюсь за возможность немного охладить этот жар, идущий от его тела.

Я отвечаю даже тогда, когда он между вопросами нюхает меня, словно... словно зверь!

– Я получила за прошлый месяц шестьдесят шесть тысяч.

– В какой валюте? – Он опускает голову к моему плечу.

Он что там делает?

– В рублях, конечно.

Александр резко поднимает голову и смотрит мне в глаза.

– В рублях? Шестьдесят тысяч?

– Шестьдесят шесть, – поправляю я.

Уголок его губ дергается. Я не пойму, он психует или смеется? Какая это эмоция? По глазам не понять, они все еще горят синими солнцами.

– Ты меня за дурака держишь? Хочешь сказать, что пошла на это за такие копейки?

Этот вопрос словно выставляет меня в январский мороз.

– Нормальная зарплата. Средняя. У нас тут все так получают.

Второй уголок губ Александра ползет вверх, а глаза сужаются в опасные щелки.

– Зарплата? Все? Ты сейчас о чем?

– О своей работе поваром.

– А я спрашиваю про анкету. – Александр упирается двумя руками в дверь по обеим сторонам от меня и опускает голову.

Кожей чувствую – он теряет терпение, дышит глубоко и медленно.

Я слышу удары своего сердца.

Лицо Александра так близко, что я различаю каждый волосок, каждую темную ресницу. А когда он поднимает взгляд – голубые всполохи в глазах.

– Анкета? Я же уже все сказала. Я ее тут же удалила.

Неожиданно рука Александра оказывается на моей шее, и он целует меня. Страстно, глубоко, так, словно мы любов-

ники, которые долго не видели друг друга.

Глава 13

Это не поцелуй – это захват, утверждение власти над моим телом и моей волей.

Его губы сминают мои с такой силой, что я чувствую на языке привкус крови – то ли он прикусывает мне губу, то ли я сама раню себя от неожиданности, то ли еще что. Его язык грубо вторгается в мой рот. Он не ласкает, а исследует, завоевывает, словно пытается найти спрятанный ответ на какой-то свой безумный вопрос.

Я замираю, парализованная шоком и той чисто животной силой, что исходит от него волнами. Весь мир сплющивается, сужается до размеров этого кабинета. До давящей жары его тела, впивающейся в меня даже сквозь одежду. До ошеломляющего, противоречивого вкуса – прохладной мяты и чего-то глубокого, дикого, первозданного, что является его частью. Таким вкусом может пахнуть ураган или удар молнии в сосну.

Сердце выскакивает из груди, бешено колотясь где-то в горле, пытаюсь вырваться наружу.

Я перестаю дышать. Не могу сделать вдох, легкие отказываются слушаться.

Где-то в глубине сознания, словно из-под толстого слоя ваты, доносится отчаянный сигнал мозга: «Сопrotивляйся! Оттолкни! Укуси!»

Но мое тело становится предателем. По спине, вопреки всему, бегут не мурашки страха, а волны странного, густого расслабления, будто меня окунают в теплую воду. А внизу живота, наоборот, закручивается тугой, горячий и постыдный вихрь. Это так неправильно, так унижительно – реагировать на насилие пробуждением.

«Он же незнакомец! Маньяк! Похититель!» – кричит внутри меня голос разума.

Я собираю всю свою волю в кулак – в буквальном смысле. Мои пальцы сжимаются, и я начинаю молотить ими по его груди, по непробиваемым мышцам плеч.

Это как биться о скалу. Я пытаюсь отвернуть голову, чтобы разорвать этот жгучий, одурманивающий контакт, но его ладонь, огромная и сильная, крепко держит мой затылок, не давая мне ни малейшего шанса на отступление.

Он отрывается так же внезапно, как и начал. Его дыхание тяжелое и хриплое, грудь вздымается. Но в его глазах нет и намека на страсть или упоение. Они пылают холодным яростным огнем. В них читается свирепое недоумение, злость и какая-то первобытная ярость. Он словно ставит жестокий эксперимент и получает результат, который не просто удивляет его, а взрывает изнутри.

– Черт, – выдыхает он хрипло, отступая на шаг и проводя рукой по лицу, смахивая несуществующую влагу.

Его голос звучит надтреснуто:

– Твою мать...

Я прислоняюсь затылком к прохладной деревянной двери, ловя ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. Губы горят, распухают и пульсируют, будто обожженные.

– Вы... вы с ума сошли? – шепчу я, и мой голос дрожит ровно так же, как подкашиваются колени.

Он смотрит на меня, но не как на девушку, которую только что страстно целовал, а как на неразрешимую загадку. С тем же самым отвращением, с которым отворачивался в машине к открытой форточке.

Меня задевает, колет это. Я с силой провожу тыльной стороной ладони по губам, демонстративно стирая его след, его вкус. Пытаюсь стереть и память о предательской реакции собственного тела.

Вру, конечно. Но он-то не должен этого знать.

Внезапно он резко, почти срываясь с места, разворачивается. С низким звериным рычанием, исходящим из самой глубины груди, опрокидывает рукой огромный стеллаж с папками. Тот с грохотом рушится на пол, разбрасывая бумаги веером.

И вот он уже у массивного дубового стола, упирается в него руками, и из его горла вырывается еще один приглушенный, сдавленный рык – звук загнанного в угол яростного зверя.

В голове у меня звучит отборный, многоэтажный мат моего отца – тот, что он выдал, когда уронил молоток себе на ногу. Я никогда не думала, что повторю эти слова, но не на-

шла бы других, которые точнее отражали бы мое текущее состояние.

Я нащупываю позади себя ручку, надавливаю на нее всем весом и буквально вываливаюсь в коридор, тут же разворачиваюсь и напираю спиной на створку, словно могу удержать его силой в кабинете.

Наивная! Он вдвое больше и, несомненно, вдесятеро сильнее меня.

Но в обоих концах длинного коридора стоят его люди, а прямо напротив, прислонившись к стене, застывает Эмма с двумя безразмерными здоровяками.

Я останавливаю на них растерянный взгляд. Бежать? Куда?

Губы пылают, сердце колотится где-то в ушах, заглушая все другие звуки, а в памяти стоит тот жуткий, нечеловеческий рык.

Эмма и охранники смотрят на меня с нескрываемым жутковатым интересом. Я чувствую, как горит все лицо – наверное, я алее самого спелого помидора.

– Все хорошо? – спрашивает Эмма с наигранной доброжелательностью, будто мы просто случайно встретились у лифта.

Они прекрасно слышали грохот и рыки. По их напряженным позам и слишком отстраненным взглядам это прекрасно видно. Теперь они словно каждым мускулом настороже.

Я лишь бессильно мотаю головой в ответ, не в силах вы-

давить из пересохшего горла ни звука.

Что это вообще было?

В один момент он допрашивает меня как шпионку, а в следующий набрасывается с поцелуем, который больше похож на попытку меня поглотить.

Неожиданно из-за двери раздается оглушительный глухой удар – словно кувалда врезается в стену.

Я вздрагиваю и отпрыгиваю от ненадежной защиты двери, прижимаясь спиной к холодной стене напротив.

– Ладно, лучше тебя проводить. – Эмма бросает быстрый оценивающий взгляд на дверь кабинета, и вся ее наигранная легкость испаряется, сменяясь деловой жесткостью. – Еф!

Она зовет очень тихо, и я сомневаюсь, что он услышит. Но не проходит и трех секунд, как из-за угла появляется одноклазый помощник. Он молча подходит и вопросительно смотрит на Эмму.

– Я отведу ее в комнату. А ты... – Она многозначительно кивает на дверь, за которой воцаряется зловещая, взрывоопасная тишина.

Еф молча кивает, его лицо становится каменным и непроницаемым. Он встает в стойку напротив двери, превращаясь в живую одноклазую статую охраны. Я же плетусь за Эммой и постоянно оборачиваюсь на звуки ломающейся мебели и дикого рычания.

Мне нужно бежать. Сию же секунду. Пока этот сумасшедший не передумал и не решил продолжить свой «допрос».

Глава 14

Эмма так быстро идет впереди, что можно сказать – бежит. За моей спиной нарастает грохот из кабинета Александра. У меня создается полное ощущение, что туда впустили стадо бизонов и они сейчас не оставят там камня на камне.

И тут вдруг рык сменяется протяжным воем, от которого я импульсивно пригибаюсь, а Эмма и вовсе расплывается ковриком по полу.

Тут что, держат диких зверей?

Я вижу двух здоровяков, что шли поодаль от нас, и они тоже оказались прижаты к полу.

Я на корточках добираюсь до Эммы и вижу, что ее лицо искажено гримасой боли.

– Что такое? Вам помочь?

Пальцы девушки растопырены, ногти впиваются в пол так, что если бы были когтями – пробили бы дыры.

– Вам больно? Что я могу сделать?

Поворачиваю голову к здоровякам – один из них хватается за голову и поскуливает.

И тут я вижу, как дверь кабинета Александра буквально вылетает и врезается в стену. Разбивается об нее в щепки, и из комнаты выпрыгивает огромный зверь.

У него длинные, как у волка, лапы, но мощные, как у

медведя. Тело вытянутое, но не тяжелое, а переливающееся мощными мышцами под темно-серой шерстью.

– Мамочки... – шепчу я.

Зверь мгновенно поворачивает голову и смотрит на меня. Его голубые глаза словно светятся.

– Мама... – Я медленно привстаю, но только делаю шаг, как зверь бежит на меня.

С визгом, исходящим из глубины души, я пускаюсь прочь. Тело словно одновременно немеет и простреливает сотней иголок. Я его чувствую и не ощущаю одновременно. Не знаю, как это описать, но, наверное, именно в таком состоянии и перепрыгивают трехметровые заборы.

Но не успеваю я вырваться из коридора, как чувствую толчок под колени. А в следующую секунду уже несусь на спине зверя, буквально оседлав его.

«Мне конец», – проносится в голове.

Инстинктивно вцепляюсь пальцами в шерстяной загибок, прижимаюсь к спине зверя. Мы несемся по коридорам мимо прижатых к полу людей.

Зверь выносит меня на улицу, а я все еще продолжаю визжать.

Вот тут-то он меня и сбросит, растерзает и закончит мою жизнь. Мне так страшно, но я сделаю все, чтобы ему не было так легко меня съесть.

Я обхватываю его ногами за живот, руками – вокруг горла. Пальцы погружаю поглубже в густую шерсть, прижимаюсь

щекой и только тогда замолкаю.

А мы все бежим по парковке, круг за кругом, круг за кругом вокруг Дворца спорта. Дикий страх потихоньку отступает, и я начинаю различать что-то помимо стука сердца в ушах и шерсти под руками – цвета машин, мимо которых мы проносимся, фонари в стороне, Дворец спорта сбоку.

Я начинаю улавливать ритм его бега. Мощные толчки мышц подо мной, ровный, громкий гул его дыхания, которое уже не кажется рычанием ярости, а больше похоже на работу мощного двигателя.

Ветер свистит в ушах, срывая с моих глаз слезы, вызванные не только страхом, но и этой безумной скоростью.

Мы не просто бежим – мы летим. Асфальт сливается в серую ленту, фонари превращаются в сверкающие штрихи. И странное дело – мой визг затихает не только потому, что я прижалась к нему. Он затихает, потому что сменяется чем-то другим. Чувством невероятной, первобытной свободы.

Я несусь на спине урагана. И этот ураган почему-то не хочет меня сбрасывать.

Он бежит так, словно пытается убежать от самого себя, выплеснуть из себя ту ярость, что крушила кабинет. Я лишь крепче вцепляюсь руками и ногами, чувствуя, как напряжение из его мышц постепенно рассеивается в ночном воздухе.

И вдруг его бег замедляется. Рысь становится тяжелой, потом он переходит на шаг, могучие бока ходят ходуном, пар клубится из пасти на холодном воздухе.

Остановившись посреди парковки, он тяжело дышит, и я чувствую, как бьется его огромное сердце где-то под моей щекой. Оно стучит не яростью, а усталостью. Глухой, ровной, почти умиротворяющей дробью.

Я не двигаюсь, боясь спугнуть этот хрупкий момент. Он стоит, опустив голову, и несколько секунд мы просто так и замираем – зверь и девушка, объятые тишиной ночи.

Удивительно, но я не чувствую угрозы в свою сторону.

Неожиданно зверь резко разворачивается и снова бежит к зданию, но теперь не тем безумным бегом, нет – он точно знает, куда направляется.

Здоровяки уже пришли в себя и замирают у входа, прижавшись к стене. Их глаза круглые, лица вытянуты от удивления. Мимо них мы влетаем в уже знакомый коридор.

Зверь заворачивает на лестницу, преодолевает пролеты в несколько прыжков и заходит на этаж.

Люди не бросаются врассыпную, увидев нас, а повторяют движения, точь-в-точь как те здоровяки снизу: делают вид, что они одно целое со стенами.

Зверь летит на мягких лапах к массивным дверям, таранит их головой и влетает в современные апартаменты. Проносится мимо Г-образного дивана, мимо стеклянного стола с удобными стульями и заворачивает в спальню.

Один прыжок – и мы оказываемся на огромном матрасе, застеленном черным покрывалом, который прогибается под его немалым весом.

Зверь тяжело дышит, но словно специально держит тело так, чтобы не придавить мне ноги. И я медленно разжимаю пальцы, руки и ноги.

Его горячее тело занимает полкровати. От него исходит жар, как от печки, и пахнет ветром, ночным воздухом, мокрой шерстью и... им. Александром. Тем самым запахом леса и грозы, что свел меня с ума в кабинете.

И тут воздух словно вибрирует, искажается. Шерсть под руками двигается, а уже через мгновение я оказываюсь лежащей на спине голого мужчины.

Глава 15

Я ощущаю под щекой его кожу – обжигающе горячую, влажную от пота и ночного бега. Не пробуя, я уверена – она солоноватая на вкус.

Мои пальцы впиваются не в грубую шерсть, а в упругие мощные бицепсы, под которыми играют живые уставшие мускулы.

Подо мной уже не тело зверя, а тело мужчины. Сильное, голое, пахнущее. Мозг, отказывавшийся работать последние несколько минут, прошивает током осознания, ярким и жутким, как удар молнии.

Оборотень!

Слово, существовавшее только в сказках и плохих боевиках, вдруг обрело плоть, кровь и дикий запах. Оно дышало подо мной тяжело и глубоко.

Александр!

Мужчина, который спас меня от Никиты, который потом воротил нос, но выкрал. Который обвинял не пойми в чем, а потом поцеловал.

Оборотень. И только что он прокатил меня на своей спине.

Я отталкиваюсь от него так резко, что кубарем скатываюсь с кровати на пол, ударившись локтем об пол. Боль пронзает руку, но я ей даже рада, ведь она возвращает меня в реаль-

ность, отгоняя парализующий ужас.

Александр не двигается. Он лежит на животе, лицом в подушку, одна рука закинута за голову, другая свисает с кровати, пальцы почти касаются пола. Глаза закрыты.

Выглядит он не просто уставшим, а изможденным, выпотрошенным. Словно та разрушительная ярость в кабинете, тот ураган, что крушил мебель, и эта бешеная исцеляющая пробежка выжгли его изнутри дотла.

Но он не спит. Нет, так не дышат во сне – с таким напряжением в каждой прожилке на шее, с таким глухим, прерывистым звуком, вырывающимся из груди. Это просто невозможно.

Я медленно поднимаюсь на ноги, замирая на вдохе. Воздух в спальне густой, насыщенный электричеством опасности и его запахом – теперь уже не лесным, а скорее грозовым, озоновым, с горьковатой ноткой перегретого металла. Я не знаю, чего ждать дальше. Повернется, и в его глазах снова будут два синих безумных солнца? Или...

С ума сойти. Оборотень.

Надо убираться отсюда. Сейчас, сию секунду. Потом, в безопасности, можно будет рвать на себе волосы и переваривать увиденное.

Я пячусь к двери, ведущей в гостиную, не сводя с него глаз. И вдруг Александр издает тот самый звук – низкий, глубокий, идущий из самой грудной клетки рык. Он не громкий, но от него вибрирует воздух, и меня снова парализует

на месте.

Я прекрасно помню размеры зверя – с небольшого коня, с лопатками, что ходили подо мной мощными волнами. То, что он при желании переломит меня одним щелчком челюстей, не оставляет сомнений. Поэтому я застываю, вращая в пол ногами.

Стараюсь не смотреть ниже его пояса, переводя взгляд выше – на стрелу позвоночника, утопающую в рельефных мышцах спины, на широкие, могущие снести дверь плечи, на бугры бицепсов.

Боже правый! Такие мужчины и правда существуют? Я всегда думала, что это грим, фотошоп и стероиды.

«Нет, не мужчины – оборотни!» – сурово поправляю себя, чувствуя, как по спине бегут ледяные мурашки.

И снова, крадучись, отступаю на шаг.

– Р-р-р-р... – Рык повторяется, на этот раз отдаваясь глухим эхом в моей собственной груди.

Я вздрагиваю.

– Я стою. Стою, – шепчу я.

Кому? Себе, чтобы не расплакаться от переизбытка чувств? Или ему – этому голому, рычащему хищнику на кровати? Не знаю.

Я вообще ничего не понимаю. Еще вчера моей главной проблемой был тухлый стейк и шеф-самодур. Даже назойливый сталкер казался мелкой неприятностью по сравнению с тем, что сейчас разворачивается в спальне непонятного муж-

чины... существа... альфы.

«Глава» – всплывает обращение людей Александра к нему. Значит, он правда их лидер. Их альфа. А они – стая? Тоже оборотни?

Его... эм-м-м... неприкрытость смущает меня не меньше, чем клыки и когти. Оборотень или нет, но приличия ведь никто не отменял!

Рядом, на спинке кресла, висит его темно-синяя рубашка. Пахнет им – тем самым озоном и дорогим стиральным порошком. Я не дыша сдергиваю ее и, подкравшись, бросаю на его поясницу. Ткань ложится мягко, и он даже не вздрагивает, лишь мышцы на спине чуть играют под кожей. Слово он только этого и ждал.

Или он и правда заснул?

Ободренная, я делаю еще шаг назад, к свободе.

– Гр-р-р...

Рык повторяется – уже не яростный, а скорее ворчливый, недовольный, как у огромного пса, которому не дают спать.

Я собираю всю свою смелость, всю выдержку, воспитанную годами готовки из объедков, уходом за братьями и сестрами, и угождения капризным гостям.

– Ладно, мистер оборотень, – выдыхаю я, и мой голос звучит хрипло от напряжения, – что дальше?

В ответ он молча, с невероятной грацией для такого крупного тела переворачивается на спину и раскидывает руки – те самые, что только что были лапами с когтями, – в стороны,

обнажая еще более мощные мышцы груди. Черты его лица, резкие и властные, кажутся на подушке еще более выразительными.

И тут я чувствую запах, снова. Он плывет от Александра волнами, пьянит и дразнит аппетит, словно только что приготовленная лазанья.

Тот самый запах свежести и опасности – леса после грозы. Он окутывает меня, пробуждает предвкушение удовольствия, которого и быть-то не может.

Этот аромат бьет прямиком в мозг, вызывая глупое, иррациональное чувство дежавю. Словно я знала его всегда. Словно он пахнет домом. Таким, каким он должен быть: не тесной квартирой с вечно голодными братьями и сестрами, а чем-то большим, надежным, диким и безопасным одновременно.

Это похоже на вкус из детства, который навсегда закрепляется в мозгу с чем-то позитивным. Как макароны с сахаром. Как звук шуршащих в руках родителей купюр, означающих зарплату и леденец на палочке для каждого из детей.

Вопреки здравому смыслу, мое тело откликается волной мурашек. Предательское тепло разливается внизу живота.

«Он же монстр! Он только что был волком! Он похитил тебя!» – кричит внутренний голос.

«Но он спас от Никиты. И не тронул, когда мог», – шепчет другой, тихий и непрощеный.

«Он шмякнул тебя об асфальт!»

«Там расстояние-то было с палец!»

Я встряхиваю головой, сбрасывая наваждение, прекращая этот сумасшедший внутренний диалог.

Я словно под действием чего-то иррационального, но очень сильного. И только когда я с силой прикусываю нижнюю губу и чувствую боль, она возвращает мне ясность сознания.

Бежать!

Прямо сейчас. Пока он не открыл глаза. Пока этот дурман не затянул меня окончательно.

– Есть, – хрипло издает Александр.

То ли просьба, то ли приказ – непонятно.

Я ожидала от него чего угодно, но только не просьбы его покормить.

Глава 16

Меня словно отбрасывает резким толчком в прошлое, в прокуренную кухню нашего хрущевского детства. В замочной скважине с сухим скрежетом проворачивается ключ, и по глухому уверенному хлопку двери я безошибочно узнаю – с завода пришел отец. Воздух сразу наполняется запахом машинного масла, металлической стружки и усталости.

– Есть! – гремит голос бати с порога. – Голоден как зверь, быка бы съел.

Мама приходила со смены после десяти вечера, поэтому дома были только мы с братьями и сестрами. Ну и, конечно, приготовленный мной ужин.

Младшие тут же начинали накрывать папе на стол, а я – накладывать в тарелку второе. Что-то сытное, недорогое, но приготовленное с душой.

Мы все уже поели, но все равно составляли компанию папе – он так любил. Говорил, что хочет посидеть с детьми, но для нас это было целое испытание.

Все потому, что он сначала молча с аппетитом ел, набросившись на еду, громко чавкая и задумчиво хрустя хлебной корочкой. Потом с противным скрипом ножек по старому паркету отодвигал табурет, внимательно смотрел каждому в глаза и говорил: «А теперь по старшинству рассказывайте о своих успехах».

Я ненавидела этот момент. Это томительное ожидание, пока мы перейдем к последней в очереди – ко мне.

Отец всегда подчеркивал недостатки. Если я получала в школе пять пятерок и одну тройку, он десять минут отчитывал меня за эту тройку, слюнявя палец, перелистывая дневник и ворча, что мне светит только карьера дворника.

Брр! До сих пор мурашки по коже бегут от этих воспоминаний.

И сейчас это хриплое «есть» прозвучало для моего слуха точь-в-точь как тот зов из прошлого – «иди и накрывай на стол». Оно вызвало во мне тот же самый, выдрессированный годами рефлекс – броситься выполнять. И тот же самый, выстраданный потом и слезами протест.

Я уехала оттуда, убежала прочь. И последнее, чего я ожидаю от дикого полуголого оборотня, едва прикрытого в пикантных местах рубашкой, – это что он захочет, чтобы я его накормила.

Еще секунду назад я металась между ужасом и странным предательским влечением, а сейчас застываю в полном ступоре.

Особенно смущает то, что он не открывает глаз, а его грудь, до этого ходившая ходуном, поднимается равномернее и медленнее. Кулаки так плотно сжаты, что вены все вздулись. Тени усталости кругами залегли под глазами. Я помню у себя такие же, когда училась и разрывалась между делами по дому, парами и уроками младших.

Меня колет непрошенный острый укол жалости.

Александр выглядит измотанным, обессиленным до предела и от этого чуть менее опасным. Я даже не отваживаюсь переспросить про эту странную команду «есть», почувствовав в ней какой-то звериный голод, потребность.

– Холодильник. Мясо, – хрипит он, не открывая глаз.

В его голосе звучит тяжелая животная усталость.

Он просит принести поесть? Это я могу, не такая я уж жестокая. Несложно дойти до холодильника и...

Стоп. А оборотни едят сырое или приготовленное мясо?

Я нервно смеюсь, потому что никогда не думала, что в своей жизни всерьез задамся таким вопросом. У меня до сих пор шарики за ролики от увиденного как заехали, так не вернутся на место.

Сейчас кину ему мясо и убегу. Или лучше не кидать, а, пока он без сил, уйти?

Мой взгляд мечется от двери до Александра и обратно. Я очень стараюсь не смотреть на его кубики, но не особо выходит. Развита он физически просто фантастически. Никита рядом с ним даже не стоял.

Но Никита никогда не вызывал во мне таких ярких и противоречивых чувств. И он не был оборотнем.

Я отступаю спиной к двери, не сводя взгляда с Александра, словно он в любой момент может на меня наброситься. А когда прохожу в дверной проем, резко разворачиваюсь и иду на выход, мимо кухни.

Взгляд цепляется за холодильник, и я замедляюсь, а потом и вовсе останавливаюсь. Может, кинуть в него куском мяса и дело с концом?

Он же спас меня от Никиты.

Но он же похитил.

Я что, повар для альфы-оборотня? Нет же! Хотя я неплохо реагирую на экстремальные условия и быстро беру себя в руки, я возмущена.

Буквально на цыпочках пробираюсь к выходу, когда слышу низкий, утробный раскатистый рык из спальни. Я замираю.

Он непредсказуемый и опасный, а еще очень голодный. А папа всегда говорит, что голодный мужик хуже волка. А тут целый оборотень.

Что же делать?

Убегу!

Но я почему-то иду к холодильнику, открываю верхнюю дверцу и замираю.

Боги, сколько же здесь отменного мяса!

Мои профессиональные поварские глаза за секунду оценивают содержимое: идеальные стейки из мраморной говядины, сочная свиная вырезка нежно-розового цвета, пухлые куриные окорочка с деревенской желтой кожей. От всего этого веет сладковатым запахом свежей крови, холодца и чуть уловимым ароматом дорогой выдержки.

Ух! Приготовить это правильно и съесть – предел моих

гастрономических мечтаний.

И это действительность холодильника обратня-альфы. Здесь только лучшие кусочки охлажденного мяса, три десятка яиц и лоток малины.

Малина? О, и квас.

Вот это вкусы у обратней.

И что из этого ему дать? Вряд ли малинку под руку. Возьму курицу!

Я беру домашнюю худенькую (вангую – очень вкусную) курочку и несу в спальню. Колеблюсь всего секунду, прежде чем кинуть ее в Александра с криком:

– Лови!

Охлажденная курочка летит по дуге и с глухим звуком шлепается ему прямо на грудь.

Глава 17

Курочка лежит на его мощной груди, белая и беззащитная на фоне загорелой кожи. Проходит секунда, другая. Александр не двигается, но желваки на его лице ходят ходуном.

А потом он медленно открывает глаза и смотрит сначала на курицу, затем на меня.

Ой!

– А вы не сырое едите?

Александр медленно прикрывает глаза и держит их закрытыми несколько томительных секунд.

И тут его рука бросается к бывшей пернатой. Пальцы, еще секунду назад казавшиеся просто сильными, сжимают тушку с такой мощью, что хруст ломающихся косточек звучит в тишине комнаты оглушительно громко.

Его челюсти плотно смыкаются, а потом он открывает глаза и смотрит на меня.

Ледяным голосом, чеканя слова, спрашивает:

– Это. Что?

– К-курица, – на всякий случай поясняю я, отступая на шаг.

Ведь хотела бежать, что ж пожалела-то? Похоже, я совершила ошибку.

– Не едите, да? Говядинку предпочитаете? – бормочу, отступая.

Александр швыряет курицу через всю комнату. Она с глухим стуком ударяется о стену и бесформенной массой сползает на пол, оставляя жирный след.

Я невольно сглатываю. Мой профессиональный поварский дух оскорблен до глубины души. Это же была замечательная, свежайшая птица!

Но инстинкт самосохранения кричит, что сейчас не время спорить о порче прекраснейших продуктов.

– Я... я не знаю, что... ест эм... ваш вид! Сырое? Приготовленное? Живое?

Александр привстает на кровати медленно, с какой-то усталой звериной грацией. Рубашка едва прикрывает интимное место. Он голый, опасный и абсолютно не стесняется наготы.

– Мой *вид*? – Он косо усмехается, кулаки сминают покрывало на кровати. – Ты идеально играешь свою роль, отдаю тебе должное. Ни одной фальшивой ноты. Испуг, неведение, этот взгляд жертвы. Браво.

– Я не играю!

Он смотрит так, что вижу – не верит. Просто у него сейчас реально нет сил спорить. Его хватает на одно:

– Раз повар – накорми. Конечно, если вообще умеешь готовить мясо.

Это звучит как вызов и задевает все мои кнопочки!

– Я тебя удивлю. Из хороших продуктов несложно готовить.

Он замирает, изучая мое лицо. Его взгляд скользит по моему лицу, и в его глазах мелькает что-то сложное, почти человеческое.

Не жалость. Нет. Скорее любопытство. Как у ученого, наблюдающего за интересной реакцией в пробирке.

– И открой окна, – морщит он нос, откидываясь на кровать и закрывая глаза, словно потратил последние силы.

– Снова воняю? – Я фыркаю и складываю руки на груди. – Вот и нюхайте, если хотите, чтобы я готовила. В конце концов, у вас тут полно людей, точнее нелюдей. Кто-нибудь да накормит.

– Они не должны видеть меня в таком виде. – Он смотрит на меня из-под ресниц.

А я, значит, могу его таким видеть? Как же сказ о вонючке-лгунье? Передумал или я чего-то не понимаю?

– Я приготовлю и поеду домой, – ставлю его в известность заранее.

Александр молчит.

– Принимаю молчание за согласие. – Я пожимаю плечами и скашиваю взгляд в сторону курицы.

Привычка убирать за младшими так и толкает подобрать курицу с пола. Голодное детство так и шепчет, что прекрасную курицу еще можно спасти. И я не выдерживаю – срываюсь, хватаю курицу и несу на кухню.

Там я ее тщательно мою, прощупывая раздробленные кости. Да ее словно через мясорубку пропустили!

Какая же у него силища...

Рядом с плитой и холодильником мне проще, чем где бы то ни было, найти душевное равновесие и прийти в себя.

Да, я в ужасе оттого, что в нашем мире есть оборотни. Особенно оттого, что один из них прокатил меня на спине, а потом потребовал приготовить для него.

Но если это проверка моей легенды «врушки», то я докажу ему, что говорю чистую правду. Уж где-где, а за разделочным столом я чувствую себя дома в любом месте.

Для начала по-хозяйски оглядываюсь, представляя, что приехала к клиенту домой, чтобы накрыть стол. Здесь пока моя вотчина, моя территория.

В моем распоряжении прекрасная столешница из дерева, похоже на цельный сруб. Невероятно красиво. С краями, идущими волной, не острыми, мягкими и такими нетипичными.

Сразу видно, что готовит он тут редко – почти все новое, нетронутое. Но вложились сюда некисло. Даже доски для мяса и рыбы из качественного пластика.

А когда я отодвигаю выдвижной ящик и вижу ножи, то закрываю рот от восторга, чтобы не завизжать.

Боги! Да это же японский шеф-нож из дамасской стали с сердечником. Я трогаю его рукоять из стабилизированного дерева, боясь, что он исчезнет.

Я обзор на него до дыр засмотрела. Мечтала попробовать хоть где-нибудь порезать им и в жизни бы не подумала, что

встречу эту драгоценность на кухне оборотня.

Беру в руки этот шедевр – а он тяжеленький! Провожу по тупой части лезвия пальцем – восторг!

Хочу быстрее попробовать им порезать!

Ох, а это что? Неужели немецкий шеф-нож из нержавеющей стали, лезвие которого проходило криогенную закалку?

А-а-а, в самое сердечко!

Александр что, просто купил самые лучшие в мире ножи? Вот так просто?

Интересно, чем оборотни зарабатывают на жизнь? Может, мне профессию сменить?

Я открываю холодильник и вдыхаю запах свежего мяса. Он специфический, но пахнет для меня мечтой. Несбыточной покупкой свежего мяса с рыночного прилавка, мимо которого мы проходили с мамой, но никогда-никогда не покупали даже кусочка.

Однажды я целую ночь провела, думая, какова баранина на вкус. С этим вкусом ничего не было – ни чипсов, ни сухариков, поэтому я не могла его даже представить. Помню, что купила баранину с первой зарплаты. Приготовила плов, запила холодной газировкой, а потом мучилась всю ночь от боли животе. Это потом я узнала, что баранину ни в коем случае нельзя запивать чем-то холодным – жир сворачивается.

Я улыбаюсь, когда беру в руки мраморную говядину. Срываю с нее вакуумную пленку, подношу к носу и вдыхаю свое-

образный запах этого вида мяса.

Какой же у хорошего мяса мягкий и ненавязчивый запах! Он всегда мне напоминал немного сыр, немного молоко. Не знаю почему, но знакомые повара не соглашались со мной.

Кстати, я в жизни так и не попробовала его, хотя готовила много раз. Конечно, не из такой первоклассной говядины и не такой свежайший – все в традициях ресторана, где я работаю.

Я достаю из упаковки сначала два стейка, а потом смотрю на оставшиеся три. Сколько же приготовить? Все? Какой у оборотней аппетит?

«Волчий!» – орет внутренний голос.

Что ж, пожалуй, его стоит послушать.

Конечно, мясу нужно отлежаться, достигнуть комнатной температуры, но голодный оборотень не будет столько ждать. Да и розмарина здесь нет, так что буду делать неидеальный, как и вся моя жизнь, стейк.

Я ищу масло и быстро нахожу в бутылочнице – выдвижном вертикальном ящике кухонного гарнитура.

Оливковое, в темной стеклянной бутылке, все как в идеале полагается. А пахнет-то как! М-м-м...

Я словно в мечте.

– Ты что там стонешь? – доносится хриплый голос из спальни, и я вздрагиваю.

Глава 18

Я замираю с бутылкой масла в руках. Его голос, хоть и сиплый от потери сил, доводит до мурашек. У меня ощущение, что меня поймали с поличным на чем-то горяченьком, и я почему-то стыдливо кусаю губы.

Что ответить?

– Эм-м-м... Я оцениваю кухню, – говорю негромко, не уверенная, что это стоит слышать.

– Каким местом? – слышу в ответ и чуть не роняю бутылку.

Вот это слух!

– Каким-каким? Поварским сердечком, – шепчу едва слышно даже для себя.

А так услышит?

– Лучше готовь быстрее. Мне нужны силы удержать зверя.

– Больше ни слова! Скоро все будет, – кричу я зачем-то.

И принимаюсь за дело. С тоской вздыхаю над шикарнейшими ножами и шепчу их лезвиям:

– Я к вам еще вернусь, мои хорошие. Здесь вами резать нечего.

И кошусь на курочку. Ничего-ничего, я еще до нее дойду. Я ее спасу! Покажу этому оборотню, как хорошие продукты переводить.

По коже все еще идут мурашки от голоса Александра, а я

уже достаю сковороду-гриль.

– Чугунная! – восхищаюсь я, помогая себе второй рукой удержать ее в воздухе, а не уронить.

Я тоже считаю, что лучше чугуна для гриль-сковороды еще не придумали. Ни литой алюминий, ни нержавеющая сталь ни в какое сравнение не идут, по моему скромному мнению. И мнению шефа Исвиса Ралли, чьи кулинарные ролики я засмотрела до дыр.

Я примеряю сковороду к индукционной плите и закрываю глаза, представляя себя на кухне одного из самых именитых ресторанов мира с тремя звездами.

У них там тоже индукционные плиты.

Кладу мясные стейки на деревянную доску. Взгляд задерживается на узоре – белые жирные прожилки так тонко вплетены в насыщенно-красную мякоть, что кажутся морозными узорами на стекле. Мраморность. Признак качества, нежности и того самого сока, который не должен покинуть мясо.

Я не буду мыть мясо – это вымыло бы из него весь вкус и аромат. Вместо этого ищу глазами бумажное полотенце. Где-то я его видела...

А, вот тут, слева от холодильника, на держателе. Отрываю несколько листов и промакиваю ими мясо, впитывая лишнюю влагу. После этого поверхность стейка становится матовой, бархатистой на вид.

М-м-м, это уже выглядит вкусно!

А где тут у нас соль?

Как жалко, что она обычная, мелкая, а не грубого помола. Зато есть мельница с черным перцем, а это уже полдела. Не спеша, почти медитативно я щедро посыпаю мясо со всех сторон, втирая специи мягким нажатием пальцев.

Это не просто готовка, не просто обсыпка – это особый ритуал. Словно чувствуя мелкие частички соли и перца пальцами, я общаюсь с мясом, отдавая дань его прекраснейшему и обещая вложить душу в готовку.

А пока стейки прогреваются до комнатной температуры хотя бы чуть-чуть, я перемещаюсь к чугунной сковороде. Ставлю ее на максимальную степень нагрева и плескаю туда оливковое масло. Оно густое и ошеломительно пахнет травой и солнцем.

Я включаю вытяжку, и она сначала шумит возмущенно и громко, словно просыпаясь от долгого сна, а потом переходит на равномерный рокот.

Пока сковорода раскаляется, ищу чеснок. Ну же, где ты? Александр, не подведи! Понимаю, что тимьяна и розмарина мне здесь не видать, но чесночок-то быть обязан.

И я нахожу головку в холодильнике в боковой полке. Вот дает! Нашел где спрятать.

Беру четыре зубчика, режу их вдоль и откладываю в сторону. А когда масло начинает слегка дымиться и шипеть, я щипцами выкладываю стейки на раскаленную поверхность.

Яростный и громкий звук шипения мяса заполняет кухню, но для меня это лучшая музыка на свете. Любимая сим-

фония, от которой я на секунду прикрываю глаза, чтобы услышать каждую нотку.

Слышу, как злое шипение сменяется веселым потрескиванием, и, улыбаясь, открываю глаза. Приветствую корочку, что рождается в этот миг.

Столб ароматного пара поднимается к вытяжке, и я с наслаждением втягиваю его в себя.

Я не двигаю и не прижимаю мясо. Идеальные две с половиной минуты, засеченные на кухонных часах на стене, – и я привычным и ловким движением переворачиваю каждый стейк.

Вторая сторона встречается с разогретым чугуном с таким же громким и одобрительным шипением. Еще две с половиной минуты чистого наслаждения процессом, запахом, звуками.

А потом убавляю огонь. В сковороду отправляется небольшой кусок сливочного масла. Я обожаю этот момент, когда оно пенится, топится и меняет свой цвет на ореховый.

Самое время чесноку присоединиться к нашей кулинарной феерии. И тут же масло приветственно шипит чесноку, а воздух наполняется смолистой чесночной симфонией.

Я беру сковороду за ручку, наклоняю ее так, чтобы собрать масло у края. Ложкой поливаю жидким золотом каждый стейк. Кипящее масло, попадая на мясо, проникает в каждую пору, насыщая волокна ароматом чеснока.

Это мой любовный штрих, финал, последняя нота.

Выключаю плиту.

Я не нахожу здесь кулинарной бумаги и использую решетку из духовки, а под нее подставляю другую деревянную доску, чтобы дать мясу «отдохнуть».

Это самый важный этап – когда напрягшиеся от жара волокна мяса расслабляются и соки, ушедшие в центр, равномерно распределяются по всему стейку.

Прервать этот покой значило бы получить на тарелке сухую подошву, а не сочный стейк.

Я стою и смотрю на свое творение. На идеальную грубую корочку, из-под которой проступает розовый сочный срез. Воздух густой и вкусный, пахнущий жареным мясом, чесноком и... домом. Таким домом, которого у меня никогда не было.

Даже в аду можно найти кусочек рая, если он пахнет правильно приготовленным стейком.

Я вижу свое улыбающееся отражение в окне, а потом вижу его – Александра. Он наблюдает за мной.

Глава 19

Отражение в стекле размытое, но его силуэт я вижу весьма отчетливо. Высокий, мощный, голый.

По крайней мере до пояса точно, а что ниже – прикрывает кухонный остров в отражении. Повернуться и убедиться в степени оголенности совсем не хочется, потому что... Потому что...

Потому что кто знает, что тогда.

Он стоит, сложив руки на груди. Сколько времени он там провел? Видел ли он, как я впала в кулинарный транс? Как шептала ножам комплименты? Как улыбалась шипящему маслу?

Перевожу взгляд на свое растрепанное отражение – распушенные волосы, спортивную одежду на обычной фигуре. По сравнению с ним я весьма посредственная, уже не говоря о том, что ни в кого не перекидываюсь на досуге.

Я резко оборачиваюсь, прижимая к груди щипцы, – а он уже сидит за островом на высоком стуле. Руки лежат так, словно только и ждут, чтобы между ними поставили тарелку.

Его взгляд прикован к стейкам на решетке, и я застаю момент, когда его горло срабатывает в нервном, голодном сглатывании.

В его глазах нет зверя, как раньше. Но темные круги под ними и впавшие щеки буквально кричат об усталости и фи-

зическом истощении. А еще я чувствую его невероятное изумление.

Но тут он дергает головой, морщится.

Воздух на кухне, еще секунду назад наполненный благоуханием идеально приготовленного мяса, снова сгущается. Теперь вокруг витает грозовой запах. Чувствуется дикая, животная сила.

Зверь, до этого приглушенный ароматом стейка, снова здесь.

– Я сказал откр-р-рыть окно! – Александр снова рычит, и я вздрагиваю, словно от удара грома.

– Оно приоткрыто, – говорю, глядя на одну из фрамуг окна.

Я включаю вытяжку на полную мощность, чувствуя себя неловко. Снова пахну?

– Может, у вас на меня аллергия? – спрашиваю я и вижу, как голодный взгляд Александра с мяса переключается на меня.

Голод почему-то не уходит из взгляда. Его глаза то словно загораются, то гаснут. Будто в нем сражаются человек и зверь, которые по очереди побеждают.

– Аллергия? – хмыкает Александр.

Я кладу щипцы на разделочный стол, поднимаю руку к окну и распахиваю его на всю. Воздух, свежий и влажный, врывается на кухню, смешиваясь с дымчатым дыханием стейков и грозovým шлейфом обстановки.

Александр дышит глубже, чаще, но напряжение так и не уходит из напряженных плеч.

Тогда я открываю шкафчик с посудой, быстро окидываю ровный строй огромных тарелок, которые в пору называть блюдами, и достаю одну из них. Красивый рисунок на краю, изображающий горы в китайском стиле, выглядит изящно и минималистично. У него есть вкус!

– Мясо должно отдохнуть еще три минуты. Нет, уже две. – Профессионала из меня, похоже, не вырычать ни одному оборотню.

– Тогда я съем тебя. – Александр смотрит так, словно правда съест.

Что ж, аргумент, с которым трудно спорить.

Я кладу все пять стейков на тарелку и ставлю у него перед носом. Александр поднимает на меня цепкий взгляд, от которого я становлюсь словно неподвижной.

– А ты?

– Я?

– Есть не будешь?

Какое тут есть? Кусок в горло не полезет!

– Я не голодная.

Мой живот неожиданно урчит, Александр на него красноречиво смотрит:

– Не голодная, значит? Бери тарелку и садись напротив.

Он говорит это таким тоном, что не хочется спорить.

Я беру еще одну такую же огромную тарелку и две вилки

с двумя небольшими ножами. Они, кстати, красивые, из одного набора, что видно по рельефу на ручке.

Всегда о таких мечтала.

Сажусь напротив на высокий стул, оказавшись по другую сторону острова. Жаль, что он не такой большой, чтобы Александр до меня не достал. Но он легко перекладывает мне два стейка из пяти.

– Мне одного достаточно.

– Ешь, – голосом, не терпящим возражений, говорит он.

Я передаю ему вилку, но не из рук в руки, а кладу перед его тарелкой. Сама раскладываю нож и вилку по сторонам от своей тарелки и замираю.

Александр тут же начинает есть. Он не пользуется ножом – просто накалывает мясо на вилку и откусывает о-го-го какой кусок. Жует быстро, активно работая челюстями, и снова откусывает.

Он расправляется с одним стейком в три укуса, берется за второй. И тот тоже стремительно исчезает в его рту. Третий улетает следом.

От него действительно веет какой-то дикостью. А вот с приемом еды тяжесть движений у него проходит. Они становятся плавнее, словно напряжение медленно уходит из мышц.

Я подвигаю ему свою тарелку.

– Ты чего не ешь? – Он словно только замечает, что я не притронулась к еде.

– Жду положенные две минуты. Мясу нужно отдохнуть. – Я подцепляю вилкой один из своих стейков и кладу в его тарелку. – Мне одного хватит.

– Очень вкусно. Спасибо. – Александр колеблется, но все же берет четвертый стейк и уплетает его за десять секунд.

– Волчий аппетит, – шепчу пораженно и хочу отправить ему в тарелку пятый кусок, но он ловит мою руку своей.

Обхватывает мои пальцы, и я замираю. Четко понимаю, что сейчас прямо на меня смотрит зверь.

Глава 20

Его пальцы обжигают кожу, словно раскаленный металл. Взгляд, в котором секунду назад читалась человеческая усталость, снова становится диким, неистовым. Голубые глаза горят не солнцами, а полярным сиянием – холодным, гипнотизирующим и бесконечно опасным.

Я замираю, боясь пошевелиться. Вилка в моей руке кажется смехотворно хрупкой и бесполезной как возможное оружие против оборотня.

– Не надо, – шепчу я, хотя сама не понимаю, чего именно «не надо».

Чтобы он отпустил? Чтобы не отпускал? Чтобы не смотрел на меня так, словно видит насквозь и одновременно ничего не понимает?

– Почему? – Его голос низкий, почти беззвучный, но он вибрирует в воздухе, отзываясь где-то в глубине моего существа. – Ты отдала мне свою еду. Почему?

Я пытаюсь отвести взгляд, но не могу. Инстинкты говорят быть настороже и следить за малейшим вздохом, жестом, мимикой.

– Ты был голоден, я это видела. А я привыкла...

«Привыкла отдавать», – звучит у меня в голове голосом матери. Привыкла, что мои желания неважны. Что я должна заслуживать каждый кусок работой.

Вслух ничего из этого я не говорю.

Пальцы Александра слегка разжимаются, но не отпускают полностью. Большим пальцем он проводит по моим костяшкам, и по спине проходит волна мурашек.

Это нежный, почти исследующий жест так контрастирует с его свирепым видом.

– Привыкла? – повторяет он за мной, и в его голосе звучит какая-то странная нота – не то понимание, не то презрение. – Ты готовишь так, словно вкладываешь в еду душу, а потом отдаешь ее первому встречному голодному зверю. Глупо.

– По-моему, глупо недокормить голодного оборотня, который меня похитил.

Уголок его губ дергается. Это почти что улыбка. Почти.

– Ты не боишься меня. – Это не вопрос с его стороны, а констатация факта.

И Александр прав – в этот конкретный момент дикий, непредсказуемый страх отступил, сменившись чем-то другим. Острым, щекочущим нервы любопытством. И той самой предательской тягой, которую вызывает его запах.

– Для меня любой, кто уплетает мою еду с аппетитом, уже не такой страшный, – креплюсь я. – Но я... я ошеломлена. Мой мозг отказывается обрабатывать происходящее. Оборотни. Альфы. Это как оказаться внутри плохого фэнтези-романа. Бояться уже просто не хватает нервов.

Он наконец отпускает мою руку и откидывается на спинку стула. Пятый стейк остается лежать на тарелке нетронутым,

а я прикидываю – две минуты прошли.

Его нужно есть.

– Ешь, – приказывает он, но на этот раз в его голосе нет прежней жесткости.

Это звучит скорее как забота. Странная, исковерканная, но забота.

– Тебе нужны силы, – добавляет он, сложив руки на мощной груди.

Интересно, он надел нижнее белье? Не может же он с таким невозмутимым видом сидеть за столом голым?

Хотя... Этот может!

Я поднимаю взгляд к лицу и ловлю насмешливый взгляд. Неужели он понимает, о чем я думаю? Кошмар!

– Для чего мне нужны силы? – Я беру в руки вилку и нож – что угодно, лишь бы скрыть, как я смущена.

– Чтобы бежать. – Он поворачивает голову к распахнутому окну. – Или чтобы остаться. Решать тебе. Но на пустой желудок решения принимаются плохо.

Его слова повисают в воздухе, густые и тяжелые, как запах пригоревшего блюда. Он предлагает мне выбор? После всего, что произошло?

Вот это да! Не ожидала.

Я медленно отрезаю кусочек стейка и накальваю его на вилку. Мясо буквально тает во рту.

Когда я языком перекидываю кусочек на зубы и начинаю жевать, сок наполняет рот. Мои рецепторы взрываются вку-

сом удовольствия.

Сочно. Идеально прожарено. Вкусное до такой степени, что хочется стонать.

Я на секунду закрываю глаза, наслаждаясь. Это вкус дорогой жизни, вкус качества. Вкус, ради которого я и хотела стать поваром.

Когда открываю глаза, Александр напряженно смотрит на меня. Вены на висках проявляются, а раскинутые в стороны руки сжимают углы острова. Он то ли его держит, то ли сам держится за него.

Ветер врывается через окно, подхватывает мои волосы и бросает их мне в лицо.

Когда я откидываю их назад, передо мной никого нет.

Но где Александр?

Я осматриваюсь, но не нахожу и намека на его близкое присутствие. Прохожусь по апартаментам – тоже никого.

Зато входная дверь открыта настежь.

Я осторожно выхожу в коридор – ни души. Кажется, сейчас идеальный шанс для того, чтобы тихо уйти.

Глава 21

Тишина в коридоре даже немного пугает. После грохота и рыков, после наполненной ароматами кухни здесь словно другой мир.

Я стою и прислушиваюсь к собственному сердцу. Оно колотится так, что я боюсь пропустить звук шагов.

Воздух здесь совсем другой, не такой густой и пропитанный напряжением, как в апартаментах Александра, он словно трезвит.

Беги. Сейчас же, пока он не вернулся.

Оборотень отпускает меня? Или я настолько ужасно пахну, что он решил сбежать?

Не знаю, но я не упущу этой возможности.

Но что будет с Никитой? Могу ли я вот так уйти? Надо ли сообщить полиции о том, что случилось?

А мой телефон? А ключи?

Где была моя голова? Я не могу вспомнить, где их оставила.

Крадучись, двигаюсь по коридору, ожидая засады на каждом шагу, но коридор пуст. Двери по обеим сторонам закрыты, и за ними не слышно ни звука.

Спуск по лестнице кажется мне вечностью. Я прижимаюсь к стене, замирая на каждой из ступеней, но Дворец спорта словно вымер. Как будто Александр исчез вместе со всеми.

Может, мне все это кажется? Приснилось? Сейчас открою глаза и проснусь у себя в кровати.

Но когда я вижу в конце последнего лестничного пролета свою сумку, бережно положенную на стул, то перестаю красться.

Меня как-то резко и абсолютно молча провожают – это очевидно, раз подготовили даже сумку так, чтобы я не прошла мимо.

Что происходит? То крадут и допрашивают, то целуют и просят сготовить, то исчезают и выпроваживают?

Ничего не пойму.

Последнее, что помню, – я опять слишком плохо пахла для Александра. А потом он исчез.

Может, у него на меня правда аллергия?

От этой мысли в животе словно скручивается тугая спираль. Становится неприятно и горько.

Я так ему противна, что убежал, хотя хотел допросить?

Ничего не понимаю. Мне нужны стены моего маленького съемного жилья, знакомый запах кондиционера «Чайная роза» и средство, которое помогло бы мне переварить новости, что оборотни существуют. Что один из них прокатил меня на спине, съел мои стейки и постоянно морщит от меня нос, потому что я плохо пахну.

Я выскакиваю на улицу и застываю от вида пустынной парковки. Ни одной машины! Куда все подевались?

Я слишком хорошо помню, как оборотень лавировал меж-

ду ними, когда катал меня на спине. А теперь что? Куда все исчезли?

Проверяю сумочку. Ключи, телефон, карты – все на месте.

Бегом пересекаю парковку, прохожу через открытые ворота и оборачиваюсь.

Дворец спорта освещен фонарями, в окнах горит свет, но я не вижу ни души.

Как же это все странно.

Выскакиваю за ворота, прижимаю к себе сумочку и бегу, пока в боку не начинает колоть. Легкие горят огнем, когда я опираюсь на прохладный фонарный столб и оглядываюсь назад.

Огни Дворца спорта светятся вдалеке, как огромный светлячок, притаившийся в ночи. Никто не преследует меня.

Он и правда отпустил.

От этой мысли становится пусто и одиноко, и я встряхиваю головой, отгоняя абсурдное чувство.

Соберись, Алиса. Домой!

Домой.

Я вызываю такси, решая, что приключений на сегодня хватит. Да, дорого, но остаться живой важнее.

Таксист, хмурый мужчина с усталым лицом, везет меня так медленно, что нас можно преследовать пешком. Кажется, он засыпает на ходу, а я все время ерзаю на сиденье, оборачиваюсь и смотрю через заднее стекло. Проверяю, не преследует ли кто.

Дорога занимает час вместо половины. И когда такси останавливается у подъезда моего дома, то я буквально выпрыгиваю из машины. Быстро оглядываюсь – никого. Обвожу взглядом дом, где лишь одно окно светится слабым теплом ночника.

Домофон, лестница, ступени, ступени, ступени, а потом знакомая дверь квартиры на третьем этаже, обшитая старым кожзамом.

Щелчок замка, хлопок двери – и я дома, где пахнет моим тропическим гелем для душа и старым ковром хозяйки квартиры.

Прижимаюсь спиной к преграде, которая не спасет от оборотня, если тот надумает вломиться, и чувствую, как мышцы медленно расслабляются.

Тишина. И только кухонные часы отсчитывают ход времени. У меня же в крови течет чистый адреналин.

Я прохожу в комнату, осматриваю вещи в свете уличных фонарей и вижу, что все на своих местах. Закрываю занавески, и только потом включаю свет.

Спортивный костюм, который мне выдала Эмма, летит на диван. Не знаю пока, что с ним сделаю, но точно не выброшу.

Я надеваю свою старую, немного застиранную пижаму с кроликами. Мягкая ткань пахнет уютом, комфортом и тем самым кондиционером «Чайная роза». Он стоит недорого, а пахнет очень вкусно – идеальная покупка для меня.

Сердце стучит уже медленнее, но стоит мне выдохнуть,

упасть на диван и закрыть глаза, как я чувствую под пальцами грубую шерсть, слышу мощное дыхание зверя и вижу голодный и изумленный взгляд Александра.

Я тянусь к телефону в сумочку, захожу в интернет. Палец застывает над поисковой строкой.

«Оборотни в Калининграде?»

«Альфа-волки?»

«Доборотень?»

Что мне ввести? Глупо, да?

Отбрасываю телефон в сторону, иду к холодильнику. Там только два яйца. Все.

Будет яичница!

После роскошной кухни старый мебельный гарнитур кажется серым и невзрачным. Мои пальцы помнят вес идеального японского ножа, но я так и не смогла опробовать его в деле, ведь даже стейки уже были порезаны.

Ну почему так, а?

А курица?

Я делаю шаг в сторону выхода и тут же останавливаю себя.

Стоп! Куда я собралась? Спасать курицу?

Вот Александр удивился бы, заявись я к нему и деловым шагом пойдешь на кухню, чтобы ее приготовить.

«Пропадет же, – с тоской вздыхает мой внутренний голос. – Александр эту курочку выкинет или забудет убрать, она испортится и...»

Стоп! Тебе не все равно?

Я беру сковороду, купленную за триста рублей и баллы активности магазина в супермаркете. Она давно требует замены, но мне нравится, как быстро она готовит.

Да, я разбираюсь и в ингредиентах, и в посуде, и в плитах, но ничего из топ-списка у меня нет и в ближайшее время не будет.

– Это другой мир, – шепчу, ставя сковороду на огонь. – Во всем другой. Не мой.

Я чувствую этот контраст запаха дешевого подсолнечного масла по сравнению с тем оливковым.

Я знаю, что живу скромно и что многие живут куда лучше. И никогда им не завидую, думая, что когда-нибудь и я позволю себе что-то из списка мечты.

Но сейчас странное чувство грусти и расстройства опутывает меня паутиной. Неужели я завидую богатой жизни? Ведь не могу же я расстраиваться, что Александр вот так меня прогнал? Это же бред!

Болтунья шипит на сковороде не так, как шипел мраморный стейк. Она не шепчет мне сказания о мясе, не дразнит, она просто пахнет сытым желудком.

Я беру несколько кусков белого хлеба, кладу на блюдце. Старое блюдце, которое видело не одно поколение людей. В такой посуде тоже есть своя прелесть, ведь она – целая история.

Толстая керамическая тарелка с тюльпаном идеально вмещает в себя кружок яичницы. Я делаю кетчупом глазки и ро-

тик.

Вот так! Гостям подают красивые блюда, приготовленные моей рукой, а сама я ем простую еду.

И мне вкусно. Очень. Тогда откуда у меня все еще осадок на душе?

Нет, это не зависть к богатой жизни, нет. И я почему-то не так шокирована оборотнями в реальности, чем ожидала. В моей голове куда больше переживаний не из-за того, что кое-кто обрывает шерстью и отращивает зубы.

Тогда что?

Дело в поцелуе?

Неожиданно телефон вибрирует. Он лежит на диване экраном вниз, и я не вижу звонящего. Сердце пускается вскачь.

Глава 22

Я сглатываю ком в горле и принимаю вызов с неизвестного номера.

– Алиса? Фух, ты ответила. – Голос официантки Вики полон тревоги. – Ты в порядке? Где ты?

Я прочищаю горло и отвечаю:

– Дома. В порядке. А что такое? Что-то случилось?

Мы с Викой никогда не были так близки, чтобы звонить друг другу по ночам или беспокоиться, кто как добрался домой после работы.

– Мне твой Никита сообщение написал, что вас с ним похитили. А я в ванной была, не видела, а потом звонила тебе раз двадцать – ты не отвечала.

Я отвожу телефон от уха, ставлю на громкую связь и смотрю на экран. Значка «пропущенный звонок» нет. Захожу в последние вызовы – а тут есть.

Кто-то точно ковырялся в моем телефоне. Но когда я его видела последний раз? Никак не могу вспомнить.

Но надо сейчас успокоить паникующую Вику.

– Никита, наверное, напился. Я дома. Все в порядке.

Ну не могу же я рассказать правду. Только не Вике.

– Но... Откуда у тебя номер Никиты, а у него твой? – доходит до меня один очень интересный факт.

– Сама не знаю. Думала, ты дала, когда еще с ним встречалась.

Ситуация становится все более странной. Никита сейчас у оборотней, телефон тоже. А мой собрали обратно в сумочку и дали в рученьки.

Что-то не то.

И тут я подскакиваю на диване, вспоминая, когда последний раз видела свой телефон. В машине!

Я тогда хотела позвонить в полицию, а Александр выхватил мобильник и выкинул его в окно.

– Да. Там еще странная фраза была в сообщении.

– Какая?

– «Скажи нашим».

И тут пазл складывается.

Скорее всего, это писал не Никита, а люди Александра. Точнее, нелюди. Он же спрашивал меня, кто меня надоумил скачать «Доборотень», а я рассказала про Вику. Вот ей и написали. Проверяют связь.

Какая напрасная трата времени!

Он не отбросил своих подозрений, он отпустил меня, чтобы я привела хвост к тем, «на кого работаю».

Запугали, помуржили, прокатили на спине и выставили с жучком или слезкой.

А целовать зачем было? Козел!

Ну ничего, я докажу этому оборотню, что моя жизнь чрезвычайно обычная. Не то что его.

– Спасибо за беспокойство, Вик. Пересылай мне сообщения Никиты, а сама на них не реагируй. Хорошо?

– Ладно. Ну давай тогда, до завтра! Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Я смотрю на погасший экран телефона, а потом кручу его в руках. Куда он улетел, что даже не разбился? В кусты, что ли?

А что делать с Никитой? Он, конечно, тот еще подлец, но он в лапах оборотней. Может, полицию вызвать?

А что, если они связаны между собой?

А что, если Никита продолжит меня преследовать и сотворит что похуже?

Ложусь в постель, укрываюсь одеялом и мучаюсь угрызениями совести, что ничего не делаю для спасения бывшего.

Он плохой парень. Так ему и надо.

Эти доводы слабо помогают, а вот стоит только вспомнить о дикой животной силе, жаре голого тела, о вкусе поцелуя – я тут же переключаюсь.

Щеки горят, верчусь с боку на бок. Не понимаю, почему не боюсь его до трясучки, а отмахиваюсь от неуместных мыслей «А что, если бы...».

Если бы я осталась и приготовила ту курочку, Александр съел бы ее всю целиком?

Если бы я осталась, я бы попробовала в деле японский и немецкий шеф-ножи.

Если бы я осталась, он бы еще раз поцеловал меня?

Резко переворачиваюсь на другой бок и ору в подушку. Да что такое?! О чем я думаю?

Сначала бывший сталкерил, потом набросился на меня. Потом меня спас крутой мужик, но он же оказался оборотнем. Меня подозревают не пойми в чем, я ему плохо пахну, но он уплетает за обе щеки приготовленную мной еду.

Что это вообще было? Как мне быть дальше? Почему все вокруг такое обычное, когда я знаю такие необычные новости?

За окном мелькает тень, и я тут же сажусь в кровати. Тишина.

Теперь я буду дергаться от каждого пустяка?

А как иначе? Ведь я знаю, что меня отпустили не просто так. Я так и не поняла, чего хочет от меня Александр, но он точно меня с кем-то путает.

– Да, я просто буду жить своей обычной жизнью. Он проследит, а потом успокоится. Так и сделаю, – успокаиваю себя вслух.

Ночью мне снятся кошмары, но не о зубах и когтях, а о запахах. Я мечусь по гигантской кухне, пытаюсь приготовить блюдо из воздуха, а снаружи, за стеклянной стеной, огромный волк с голубыми глазами молча наблюдает за мной. Он не рычит, не ломится внутрь – он просто ждет. И от этого в тысячу раз страшнее.

Я просыпаюсь с тяжелой головой и ощущением, что пропустила что-то важное. Что-то, что было прямо перед носом,

но я не рассмотрела.

Мой телефон теперь кажется мне предателем. Я даже не лезу в привычные новостные каналы, пока сижу в туалете или чищу зубы, как делала каждое утро до.

До встречи с оборотнем.

Сегодня от воспоминаний о нем мурашки бегут по коже. Неужели всплеск адреналина поутих и теперь пришло осознание реальности?

Перед выходом на улицу сначала осматриваю дом из окна, потом открываю входную дверь и изучаю лестницу.

Школьник из квартиры напротив как раз выходит из дома.

– Здравствуйте! – громко кричит он мне, ужасно бодрый.

– Подожди меня, Вася! – кричит с пятого этажа еще один сосед-школьник и несется слонопотамом по ступеням.

У них обычный день. Они даже не подозревают, что в бывшем Дворце спорта обитают оборотни. И никто в этом доме, должно быть, не знает, как тяжело мне сегодня выходить из дома.

Я закрываю за собой дверь, улыбаясь ребятам.

– Доброе утро! Хороших оценок вам, – кричу громко, как раньше кричала вслед своим братишкам, провожая в здание младшей школы.

Делаю это скорее для себя, чтобы почувствовать, что мир не перевернулся. Он такой же, как был. С ранними подъемами, тесными маршрутками и задирой-шефом.

«И с оборотнями», – шепчет внутренний голос, но я даю

ему пинок с целью сохранения психики.

И моя психика сохраняется как по заказу – в маршрутке мне отдавливают ноги, а шеф на работе встречает фразой:

– Запиши свой фирменный рецепт маринада, который любую падаль превращает в конфетку.

И я тут же забываю об оборотнях и их страстях, потому что у меня тут проблема посерьезней в рамках моей жизни.

– Вы же обещали поговорить с боссом, – напоминаю я.

И вижу гнусную улыбку Игоря.

Глава 23

Игорь скрещивает руки на груди, и его ухмылка растягивается во всю ширину бородатого лица. От него разит чесноком, которым он так любит заедать запах нечищенных зубов.

– Я поговорил. Босс готов увеличить тебе зарплату втрое, если ты запишешь все свои способы реанимации продуктов, чтобы и я мог их использовать. Пляши!

Игорь самодовольно приподнимает подбородок, словно ожидая то ли оваций, то ли похвалы, то ли и того и другого, да побольше.

– Я просила поговорить о другом! Чтобы мы готовили из нормальных продуктов. Мы же так можем отравить людей.

– С тобой не отравим. Ты своими травками так магичишь, что всем хорошо будет. И боссу, и нам. В ресторан нам новое оборудование закупит. И это... – Игорь тянет на себя выдвижной ящик и достает оттуда черную коробку с красной лентой, – тебе.

Что там? Гадюка? Не представляю, что он туда положил. С Игоря станется засунуть тудадохлую крысу. Чисто из-за зависти, что мне предложили тройной оклад.

Хотя... Он слишком спокоен. Похоже, босс и ему предложил что-то стоящее, раз Игорь так старается меня уговорить.

– На. – Он трясет коробкой в воздухе, и я слышу, что предмет внутри глухо и увесисто стучит по стенкам.

Видя, что я не тороплюсь радоваться, Игорь быстро теряет терпение и сам тянет за ленту.

– Я шепнул боссу, что ты вечно смотришь обзор японского шеф-ножа...

Игорь открывает крышку, и я вижу тот самый нож мечты, который вчера держала в руках в доме Александра.

– В шоке? Я выбил. – Игорь раздувается от гордости, выпячивает грудь вперед. – Мы с боссом вчера как следует все обмозговали, прикинули, посчитали. На просрочке можно делать уйму денег. Ресторан будет в огромном плюсе, а с тобой все это будет безопасно для гостей. Понимаешь? Всем хорошо будет.

– Ха, кому хорошо? Людям, что пришли в ресторан отметить день рождения и их накормили тухлятиной? Влюбленным, решившим сделать предложение именно у нас, а им подали блюда из просрочки? Или детям? Кому?

– Ой, не нагнетай! Ты же умеешь делать так, что они пальчики облизывают потом и благодарят.

– Я тебя просила поговорить о другом, Игорь! Что ты сделал?

– А тебе-то чем плохо? Тройной оклад, Алиса! Тройной! Ты жить лучше будешь. На первый взнос на квартиру сможешь откладывать, свое собственное жилье возьмешь. Холодильник будет полный, сама сможешь по ресторанам ходить. Вещи вон нормальные купишь, а не из ящика супермаркета по распродаже.

Игорь знал куда давить. Запомнил, наверное, как я говорила, что даже не мечтаю о покупке собственного жилья. И что в моем холодильнике обычно как шаром покати, ем кое-как, а то и вовсе пропускаю приемы пищи.

Но осознанно готовить людям из просрочки?

Игорь прав, я умею это лучше всего. За годы нашла тысячи способов реанимации продуктов. Может, это моя единственная ценность как повара, но...

– Нет. – Я мотаю головой, глядя на японский нож.

Игорь протягивает его мне.

– Он твой. Босс сказал, можешь забрать домой.

Моя ожившая мечта совсем рядом. И перспективы, конечно, красочные и для меня очень выгодные. Способ вылезти на достойный уровень из нищеты, в которой я барахтаюсь с самого рождения.

Но внутри меня все противится этому. Для меня это все равно что налет на банк – преступление.

– Передай боссу, что я не согласна.

Игорь швыряет нож в упаковке на стол, и тот глухо стучит по железной поверхности. Я вздрагиваю от резкого звука.

– Алис, пора взрослеть. Мир не такой радужный, как ты думаешь. Все нагревают друг друга. Все. Кассиры обвешивают. В магазинах раскрывают пачки с просроченной заморозкой и продают на развес, а из других продуктов с истекшим сроком годности делают салаты, запекают, парят, жарят и продают в отделе кулинарии. Понимаешь? Весь мир так

устроен.

Я понимаю, что в его словах есть доля правды. Я помню, как маленькой сидела у мамы на работе в продуктовом. У нее тогда на прилавке стояли весы, на которые ставили гири. И она пальцем надавливала на одну из платформ при взвешивании товара, чтобы сделать продукт тяжелее.

Когда я ее спросила, зачем она так делает, она ответила: «Мои дети хотят есть».

Я тогда восприняла это как должное, но ничего не поняла. Потом уже, спустя годы, уловила связь.

А теперь мне предлагают мухлевать, чтобы жить лучше. Но только тут не пальцем на весы нажимать, а еще хуже – кормить людей просрочкой.

Интересно, за такое сажают?

– Игорь, нет. Я просила тебя передать, что я больше не буду готовить из плохих продуктов, а вместо этого вы хотите поставить это на поток. Нет, нет и еще раз нет.

Игорь отворачивается, упирается кулаками в разделочный стол.

– О себе только думаешь, – бурчит он себе под нос, а потом резко поворачивается ко мне. – А у меня Ирка больна. Ей нужны дорогостоящие лекарства, понимаешь? А босс мне обещал, если ты согласишься, тоже оклад поднять. Я не могу упустить этот шанс, понимаешь?

У меня внутри все опускается от плохих вестей.

– Ира больна?

Я видела ее несколько раз и заметила, что она очень резко похудела, но и не думала, что все так серьезно.

– Да! Онкология. А ты кривляешься, строишь из себя праведницу, а между тем мир жесток. Либо ты – либо тебя. Во всех отношениях. Так что давай не гони пургу, и будем вместе жить хорошо. Я Ирке хоть лекарства покупать смогу, ей не так больно будет. Понимаешь ты это или нет?

Последнюю фразу он выкрикивает. У меня по телу прокатывается волна мурашек.

Глава 24

Терпеть не могу, когда на меня орут. С детства не переношу. Сколько раз думала: вырасту – и пусть хоть кто-то попробует открыть на меня рот.

И что в итоге? Теперь не папа орет, а вышестоящий по работе.

– Мне жаль Иру. – Я говорю искренне. – Надеюсь, она поправится.

– В твоих силах ей помочь. Сейчас. Здесь. – У Игоря так выпучиваются глаза, что мне становится не по себе.

Был бы оборотнем, его зверем была бы сова.

Ой, что это я?

Все внутри меня против этого давления, против этой работы с тухлятиной. Только если в детстве у меня не было выхода – требовалось кормить чем-то младшеньких, которые теперь меня знать не хотят, то сейчас я сама могу сделать выбор.

Все во мне протестует. Не хочу. Не буду. Даже за возможность жить припеваючи и не думать о том, что есть завтра и чем платить за квартиру в следующем месяце.

– Скажи боссу, что я не буду.

Игорь застывает, словно не верит своим ушам. От его взгляда мне не по себе.

– Ты не можешь отказаться, – медленно говорит он.

Давит на меня, но в этом деле я буду стоять на своем, хоть и тяжело.

– Могу.

Игорь опускает голову так, что подбородок упирается в шею. Смотрит на меня исподлобья:

– Забыла, как я помог тебе сюда устроиться? Ты со своим прошлым в столовках никогда бы в «Баолт» не попала.

– Так говоришь, словно это элитный ресторан. – У меня вырывается нервный смешок. – Достойное заведение никогда не позволит себе готовить из тухлятины. Заботится о своей репутации.

– Так, значит, ты поступаешь? Чертова эгоистка. Думаешь только о себе. Если ты нормально жить не хочешь – пусть все пропадают, да? – Игорь надвигается на меня.

Мне становится страшно от его напора. Взгляд у него с безуминкой, мне совсем не нравится. Но эти его слова про мой эгоизм заставляют тугую пружину внутри меня выстрелить.

– Эгоизм? Потому что не сделала так, как ты хочешь? Это называется свобода воли. Я ради нее сюда переехала. Думала, в хороший ресторан попала. Буду работать в достойном месте, подавать блюда с гордостью. Не стоило мне показывать, что я умею.

Игорь смотрит на меня и молчит. Уж лучше бы говорил, орал, обвинял – я хотя бы знала, как реагировать и что он думает. Но вот это затишье не предвещает мне ничего хоро-

шего.

Взгляд у него такой злочий, словно я отнимаю его законно заработанное потом и кровью, а заодно еще повинна в болезни супруги.

Будто он в мыслях уже распланировал, куда потратит деньги, и никак не хочет расставаться с красочными перспективами.

Все так же молча он протягивает руку к шеф-ножам, что висят на магните на стене. Берет один из них в руки и кладет на разделочный стол. Смотрит на меня испытующе.

– Ты мне угрожаешь?

– О, нет конечно, – говорит он таким тоном, что сразу становится понятно, что «да».

Он чешет пятерней себя по груди так, словно у него из груди чужой рвется, а потом говорит, кладя руку на нож:

– Делаю тебе одно-единственное предложение. Хорошо подумай, прежде чем ответить. Я заплачу тебе за рецепты пятьдесят тысяч, и ты уволишься по собственному желанию. К работе с тухлятиной отношения иметь не будешь – рыльце не в пушку, вся такая праведная и чистенькая.

Продать мои рецепты, чтобы он травил людей? Зная Игоря, уверена: он не соблюдет нужное время и пропорции, будет искать более дешевые замены, и кто-то может даже погибнуть.

Я смотрю по сторонам. На кухне, как назло, нет окон, только вытяжки. Но не просочусь же я в них?

Игорь стоит как раз на пути к выходу, в единственном проходе.

Что же делать? Что-то у меня нет никакой уверенности, что его не сорвет с тормозов при моем отказе.

Говорят, настоящую опасность люди, выросшие в неблагополучных районах, чувствуют кожей. И сейчас я ощущаю тревогу и напряжение, которое давно забыла. Похожее на то, когда идешь с учебы зимним вечером по дороге без фонарей, пешком, потому что денег на маршрутку нет, а впереди темные гаражи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.